

ПОВЕСТЬ

ЭМБРИОНЫ

АЛЕКС САНГЕР

18+

Алекс Сангер

Эмбрионы

«Автор»

2023

Сангер А.

Эмбрионы / А. Сангер — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-90714-0

Улицы города всегда полны опасностей. Если не хочешь проблем, появляйся там как можно реже. Особенно если ты невротик с кучей фобий. А как быть, если увидеть любимую девушку можно, единственно выйдя из дома? Поэтому приходится рисковать. Когда девушка внезапно исчезает, её нужно найти, даже если ты не супергерой. Однако прежде необходимо выяснить одну важную вещь. Насколько реален мир, в котором ты живёшь? В поисках ответов главному герою предстоит не только решиться на отчаянные поступки, но и разобраться со своими страхами.

ISBN 978-5-532-90714-0

© Сангер А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	17
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Глава седьмая	28
Глава восьмая	32
Глава девятая	35
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	41
Глава двенадцатая	44
Глава тринадцатая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алекс Сангер

Эмбрионы

Посвящается той самой лягушке...

Глава первая

Ночь и раннее утро несильно отличаются друг от друга. Их разделяет незаметная грань. Я лежу в кровати с открытыми глазами. Вокруг темнота. Только на потолке колыхнется пятно синего цвета – от лампочки роутера, раздающего интернет.

За окном в прорези между штор виднеется такая же чернота, только без синеватого свечения. Всё равно что заглянул в чернильницу. Так может быть и в полночь, и перед самым рассветом.

Меня выбросило из сна резко, будто кто-то щёлкнул выключателем.

Будильник с вечера я не ставил, чтобы не потревожить домашних. В утренней тишине квартиры его звук был бы как шум водопада.

Обычно, когда мне хочется поиграть в *сталкера*, я просыпаюсь в одно и то же время. Могу поспорить, что сейчас около пяти утра.

Протягиваю руку к телефону. Я ошибся. Такое бывает редко.

Четыре часа одиннадцать минут. Это слишком рано. Можно поваляться ещё минут тридцать, но я боюсь снова уснуть. Если встану поздно, всё пойдёт насмарку.

Поэтому я подключаюсь к интернету. Сонный мозг моментально погружается в поток информации.

Обычно люди начинают день с просмотра социальных сетей. Чужая жизнь стала интересовать их больше, чем собственная. Но все эти фотографии – не более чем тщательно подобранная обёртка обыкновенной жизни. За ней также есть слёзы, боль и отчаяние, которые хочется спрятать от посторонних глаз.

Полюбуйтесь лучше салатом, съеденным на ужин.

Или видами океана, застывшей волной набегающего на песок.

У меня нет аккаунтов, потому что нет друзей. Мне не за кем следить в интернете. Поэтому каждый день я читаю новости. Правда, не очень долго. Просто чтобы быть в курсе происходящего в мире.

Забастовка рабочих. Пожар в торговом центре. Обвал на рынке акций.

В прорезь между штор продирается свет наступающего дня. Ничего страшного, если сегодня я выйду раньше, чем обычно. Это лучше, чем задержаться.

Можно отправиться на прогулку, даже если за окном было бы совсем темно.

Ночь или раннее утро – отличное время. Моя внутренняя темнота сливается с внешней, и мы становимся одним целым.

Нужно всего пару минут, чтобы собраться.

Стараюсь всё делать тихо. Представляю себя тенью, которая беззвучно перемещается по кухне. Осторожно наливаю крепкий чай в маленький термос, хоть он и не особо держит тепло. В холодильнике лежат завернутые в фольгу бутерброды и пара варёных яиц.

Складываю еду в рюкзак, бросаю туда же большое яблоко и, накинув лёгкую ветровку, осторожно выхожу из дома.

На улице приятная свежесть. Когда взойдёт солнце, улицы накроет маслянистым покрывалом жары. Сейчас же гулять одно удовольствие. Прохлада и пустынные улицы. Вот что самое главное.

Маршрут мне хорошо знаком.

Я выбираю глухие переулки, где в такую рань точно не встречу людей. Малая часть пути проходит по широкому проспекту, – но в такое время и он пуст. Лишь редкие машины проносятся мимо, шурша колёсами.

В душе считаю себя *городским сталкером*. Нет, я не лажу в колодцы и не ищу подземные тропы.

В городе хватает заброшенных и недостроенных зданий. Чтобы добраться до них, пару раз в неделю я делаю такие вылазки. Прохожу несколько километров по спящему городу, завтракаю и возвращаюсь домой.

Желательно успеть всё до того, как людская масса заполнит улицы.

Такие путешествия помогают хоть немного поддерживать форму.

Представьте себе парня с густой бородой, длинными неухоженными волосами и заплывшим от недостатка движений телом.

Этот образ меня страшит. Поэтому стараюсь делать всё возможное, чтобы не превратиться в пугало.

Дома под кроватью лежит пара гантелей. В течение дня делаю несколько упражнений.

Позапрошлым летом я придумал новое развлечение: ранние прогулки по городу.

Стараюсь идти быстрым шагом, чтобы за полчаса пройти нужные километры.

Когда-то завод выпускал бетонные изделия. Плиты, трубы, перекрытия. Это я помню с детства. Не знаю, кому пришло в голову строить завод в черте города. Пусть на окраине, но всё же – рядом с жилыми домами.

Несколько лет назад завод закрыли. Теперь его корпуса, обветшалые и смердящие, смотрят на мир провалами выбитых окон. Картина запустения, напоминающая мою жизнь за последние годы.

От забора остались редкие плиты, поэтому попасть на территорию совсем не сложно.

Правой рукой сжимаю в кармане перцовый баллончик. Он защищает от собак. От людей – лучше убежать.

Когда я добираюсь до места, уже довольно светло. Утренняя серость заволокла небо.

Поднимаюсь по лестнице одного из корпусов. На третьем этаже нахожу нужное помещение. Я присмотрел его, когда впервые оказался в этих развалинах. Бомжи, справляя нужду, не утруждают себя тем, чтобы забраться повыше. Их вполне устраивает первый этаж. Поэтому здесь чище, чем внизу.

Раньше тут были кабинеты начальства. Теперь вокруг стёкла, палки, обрывки бумаг и куски штукатурки. Но главное, нет сильного смрада.

У выбитого окна стоит рабочий стол с обугленными краями. Поверхность почти целая, хотя и покрыта толстым слоем пыли. Протираю её салфеткой, прихваченной из дома, и разворачиваю фольгу с бутербродами.

Удивительно, но здесь сохранился даже каркас кресла. Кожа давно содрана, но на сиденье клочками торчат остатки обивки. Вполне пригодно, чтобы сесть.

Яблоко громко хрустит в тишине.

Бутерброды приходится есть холодными. Вообще-то здесь можно развести огонь и что-то запечь. Но времени совсем мало. Скоро по улицам потекут ручейки сонных людей. Поэтому просто запиваю всё тёплым чаем.

Вдали пронзительно воеет сирена. Полиция или скорая несётся кого-то спасать.

Внезапно моё внимание привлекает негромкий шум снаружи. Это уже рядом, и это точно человек.

Подхожу к проёму окна. Делаю это тихо, стараясь не выдать себя. Так крадётся кот, учувший собаку. Осторожно выглядываю и вижу мужчину.

Вокруг здания есть бетонная площадка. Шириной метров двадцать. Не знаю, как её использовали раньше. Может, ставили машины или складывали продукцию.

Незнакомец притащил откуда-то несколько деревянных ящиков. На одном сидит. Второй водрузил на третий – получился стол.

Его голова опущена, а я на несколько этажей выше. Шанс, что он меня заметит, минимальный. Это хорошо.

Если он повернётся в мою сторону, я сразу спрячусь.

Наверное, это не совсем правильно – подглядывать за другим человеком. Но что мне остаётся делать? Выход из здания прямо за его спиной. Я не ниндзя, чтобы незаметно прошмыгнуть. Остаётся ждать и надеяться, что ему не взбредёт в голову зайти сюда и подняться по лестнице.

Хотя я именно так и поступил.

Теперь я вижу лицо незнакомца в профиль. Я старательно вглядываюсь. Время от времени он наклоняется и копошится в рюкзаке, стоящем у его ног.

У меня есть возможность рассмотреть другого человека. В последнее время такое случается редко. Зато всевозможные ботинки и кроссовки я изучил отлично.

Ему около пятидесяти. Я бы предположил, что он занимается спортом: он хорошо сложен. На макушке видна матовая лысина.

Но есть одна странность. Его одежда. Под пиджаком – чёрная рубашка с белой вставкой на воротнике. В американских фильмах так одеваются священники. Невольно, по привычке, я даю ему прозвище. Священник.

Вообще-то мне нужно повнимательнее рассмотреть его обувь, но с такого расстояния это невозможно.

Только теперь я обращаю внимание на то, что именно он доставал из рюкзака и выкладывал на столик из ящиков.

Вижу бутылку красного вина, бокал и какой-то круглый предмет. Не могу разглядеть, что это.

В следующее мгновение он опускается на колени, и до меня доносится невнятное бормотание. Наверное, так он молится.

Очень похоже на какую-то секту. Надеюсь, обойдётся без жертвоприношений. Становится не по себе. Уже жалею, что вышел сегодня из дома. Если задержусь, то придётся идти подворотнями, чтобы встретить как можно меньше людей.

Голос незнакомца становится громче, и я понимаю, что он молится на неизвестном мне языке. Потом он берёт с ящиков белый круг и поднимает над головой. Это лепёшка. Он разламывает её и кладёт обратно.

Теперь в его руках бокал с красным вином. Он вскидывает руку и громко кричит три раза:

– Жизнь в крови! Жизнь в крови! Жизнь в крови!

От этих воплей по всему телу пробегают мурашки, но я не могу оторвать взгляд.

Он опрокидывает бокал – и вино выливается тонкой струйкой. Затем садится за стол и спокойно ест лепёшку.

В этот момент я делаю неосторожное движение рукой. Маленький камешек срывается вниз и громко ударяется о бетон. Я успеваю присесть, прежде чем странный мужчина обернётся.

Сердце стучит так сильно, что прижимает меня к стене. Так проходит несколько минут. Сидеть на корточках неудобно, ноги затекают, но самое главное – солнечный свет заполняет комнату. Очень хочется быстрее очутиться дома.

Наконец я не выдерживаю и осторожно выглядываю через оконный проём. Ящики стоят, но рядом никого нет.

Тихонько спускаюсь по лестнице. Всё тело напряжено: мне кажется, что кто-то может наброситься на меня.

Подхожу к месту странного ритуала. Нужно убедиться, что мужчина был на самом деле и мне не привиделось.

Страх сойти с ума – один из самых навязчивых. Приходится всё время проверять происходящее: не рехнулся ли ты окончательно. Так мальчишки осторожно пробуют ногой первый лёд.

На верхнем ящике рассыпаны крошки и лежат маленькие кусочки чего-то печёного. Беру один и растираю между пальцев. Очень похоже на обычную пшеничную лепёшку, только суховатую на ощупь.

Оглядываюсь и вижу тёмный, напоминающий свернувшуюся кровь след от вина.

Делаю пару снимков на телефон, чтобы позже показать Серёге. Пусть подтвердит, что тоже это видит.

Разворачиваюсь и быстрым шагом иду в сторону дома. Хотя день только начинается, на сегодня мне достаточно приключений.

Глава вторая

Тик-так. Тик-так. Секундная стрелка настенных часов движется в одном ритме с постукиванием моего сердца. Ровно шестьдесят ударов в минуту. Значит, я спокоен и терапия хоть немного помогает.

Этот кабинет – одно из немногих мест, где я чувствую себя в безопасности. Правда, так было не всегда.

В самом начале я волновался. Нервничал, пыхтел, с трудом отвечал на вопросы. Но постепенно всё изменилось. Виктория каким-то образом настроилась на мою частоту. Видимо, она хороший врач.

Она старше меня на десять лет, но просит называть её только по имени. Никаких отчеств. И это, кажется, тоже часть терапии.

Тик-так. Тик-так. Кресло для пациентов очень удобное. Принимает форму тела, обволакивая уютом.

У Виктории красивые карие глаза. Правда, сильно мне не доверяйте. Я не очень понимаю в таких вещах. Легче рассказать про её любимую обувь.

В книгах пишут: *У неё были чудесные зелёные глазки*. Или голубые. Или – какие ещё бывают?

Если бы вы спросили меня, как выглядела Виктория в нашу первую встречу, то я бы рассказал про её туфли. Чёрные, со средними каблуками и позолоченной застёжкой на ремешке. Она кокетливо скрещивала ноги, поджимая их под себя. Вот что я тогда увидел.

Тик-так. Тик-так. Ощущение безмятежности может оказаться мнимым в любой момент. На всякий случай прислушиваюсь к кишечнику. Он ведёт себя тихо – как и положено, когда я спокоен.

Раньше, на первых сеансах и у других врачей, я часто волновался. Не знаю, как это устроено, но нервная система считает кишечник своим продолжением. Беспокойство давило на него со страшной силой.

Обычно я терпел до последнего в надежде, что позывы прекратятся. Пока не становилось совсем невмоготу. Пока живот бурным урчанием не давал понять, что дальше ждать точно не стоит. Красный и сконфуженный, я просился выйти на несколько минут.

Один врач сказал, что это синдром раздражённого кишечника, возникший на фоне моего основного расстройства.

Тик-так. Тик-так. Настенные часы за моей спиной большие, с широким деревянным ободом. Это счётчик денег. Каждое движение тоненькой стрелки – чуть больше одного рубля. За сорок минут набегает две с половиной тысячи. Можно вообще не открывать рот, и всё равно получится нужная сумма.

Поэтому лучше говорить. Хотя бы иногда. Будет не так жалко потраченных денег.

Тик-так. Тик-так. Ещё несколько рублей в копилку психотерапевта.

Задумавшись, делаю навязчивый жест. Касаюсь рукой живота. Под кофтой ощущаю металлическую твёрдость. Чувствую холод стали и резко отдёргиваю руку. Становится страшно, что Виктория заметит моё движение и догадается, что я что-то скрываю.

– Тебе кто-то написал? – спрашивает она. Решила, что это телефон.

Интересно, что бы она подумала, если бы узнала, что на самом деле я прячу.

– Нет, – говорю я. – В боку закололо.

Она кивает и делает пометку в папке-планшете.

Важная информация: Виктории ещё нет тридцати, у неё длинные прямые волосы, и она выглядит великолепно.

В сотый раз оглядываю кабинет.

Тошнотворные кремовые обои, испещрённые ломаными линиями. Если взять малярную кисть, макнуть в чёрную краску и измазать стены жирными разводами – и то лучше получится.

Наверное, в текстуре обоев заложен какой-то смысл. В этом кабинете всё должно помогать терапии. Например, коллекция засушенных бабочек за стеклом. Они напоминают, что из отвратительной гусеницы рождается красота. Правда, для этого несчастных насекомых пришлось умертвить.

Как по мне, можно было сделать ремонт и получше.

Обстановка в кабинете соответствует его назначению. Пара кресел, рабочий стол и маленький, на колёсиках, столик. Большой шкаф, заставленный книгами, занимает целую стену. В основном в нём скучные учебники по медицине.

Но встречаются и любопытные экземпляры. Во время одного из первых сеансов я заметил такой.

«Энурез – это не смертельно». Автор – доктор Барановски. Так написано на корешке.

Названьице не очень, если честно. Этот Барановски когда-нибудь сам просыпался в мокрой холодной постели, от которой разит мочой?

В восемь лет меня на целый месяц отправили в летний лагерь.

Это было унылое место, хотя он находился рядом с водохранилищем и территорию окружали высокие хвойные деревья. Но старые отсыревшие корпуса с облезлой штукатуркой нагоняли тоску. После домашней еды приходилось заставлять себя есть в столовой. Только вид настоящего, векового леса сглаживал одиночество.

По утрам на асфальтных дорожках, щербатых от времени, прыгали белки.

Однажды мальчишки из старшего отряда поймали несчастное животное, разожгли костёр и зажарили тушку на вертеле-ветке. Хорошо, не живём. Я стоял за кустами и видел, как они издевались над беззащитным животным.

Очень хотелось их остановить, но было страшно выдать себя.

Со мной в отряде был мальчик Боря.

Когда я увидел его в день приезда, мне стало его жалко. Маленький и толстый – готовая жертва для всевозможных издёвок.

Через пару дней после начала смены мы проснулись от громкого удара железной палкой по куску рельсы, висевшей в центре лагеря.

Все принялись нехотя вставать, поёживаясь от холода и ворча друг на друга. А Боря натянул одеяло до макушки и боялся вылезти наружу. Лежал и дышал своей мочой, пока другие пытались вытащить его из кокона.

Он плакал и кричал, чтобы от него отстали. Палата сотрясалась от дикого, необузданного детского смеха. Пришли вожатые и начали орать на Борю, потом на нас.

Через несколько дней всё повторилось.

Было жаль неуклюжего пухлого мальчика. Как и несчастную белку. Но я не смог за них заступиться.

За всю жизнь я не спас никого, кроме склизкой усатой рыбы. Но это не в счёт.

В этой жизни я только убил.

Потом в лагерь приехали Борины родители и забрали сына.

Мы опять встретились с ним пару лет назад. В коридоре отделения психиатрии.

Он сидел на лавочке и глупо улыбался. Запястья были обмотаны бинтами. Я прошёл мимо, сделав вид, что мы незнакомы. Так было лучше, ведь я совсем разучился разговаривать с людьми, которых плохо знал.

Раньше ещё как-то получалось заставить себя, но теперь я избегаю любого общения. Если нужно что-то купить в магазине – скажем, для компьютера, – то приходится уламывать сестру или просить Серёгу, моего единственного друга.

Сейчас стало проще. Почти всё можно купить онлайн. Это сильно облегчает жизнь. Но не всегда удаётся найти нужное.

Поэтому большую часть времени я стараюсь проводить дома. Если и выхожу на улицу, то делаю это рано утром или поздно вечером.

Правда, иногда всё же не избежать дневных прогулок. Например, как сегодня.

Тогда лучше опустить голову, чтобы не замечать посторонних. Ещё можно надвинуть капюшон толстовки почти на переносицу.

Всё это помогает свести ненужные разговоры к минимуму.

Самое тяжёлое – смотреть человеку в глаза. Есть в этом что-то пугающее. Чужой взгляд будто выворачивает меня наизнанку.

Поэтому я предпочитаю разглядывать обувь, которую носят люди. Могу написать целый роман о босоножках, сликерах и мокасинах.

В мире не так много людей, с кем я общаюсь, не испытывая дискомфорта.

Кроме мамы и сестры, это мой друг – Серёга Жаров. И ещё психотерапевт – Виктория.

– На прошлой неделе мы увеличили дозу антидепрессанта. Ты заметил улучшения? – Она тихонько постукивает кончиком карандаша по листу бумаги, закреплённому в папке-планшете. – Страх перед незнакомыми людьми стал меньше?

Нетрудно догадаться, какого ответа она ждёт.

Может быть, я и нуждаюсь в терапии, но я не полный идиот. Поэтому я киваю и говорю, что по ощущениям мне действительно становится легче.

Раньше на сеансах я делился тем, что меня на самом деле беспокоит. Потом обнаружил, что даже психотерапевту бывает трудно услышать правду. Она верила, что сможет меня вылечить. Но время шло, а мы почти никуда не двигались. Тогда Виктория хмурилась и начинала быстро писать у себя в планшете.

Когда я рассказывал ей о том, что меня мучает густая, как дёготь, депрессия, или донимают приступы паники, она строчила ещё быстрее, и её брови съезжались к переносице.

Она не подавала виду, что расстроена, но держите в уме мысль, что я не идиот.

Однажды я просто принял решение, что перестану её огорчать. А то ещё откажется работать со мной.

Из всех врачей она держится дольше остальных.

И тогда я начал сочинять маленькие истории о том, как мне становится лучше.

Иногда мне кажется, что она давно всё поняла и просто подыгрывает.

Или, возможно, это такой метод терапии. *Делай-вид-что-ты-ему-веришь.*

В любом случае её сеансы важны для меня. Этот кабинет – маленький оазис хорошего настроения.

За несколько лет мне довелось полежать в психиатрической больнице и пройти через множество врачей, и у каждого был свой подход.

Гештальт, психоанализ, гипноз, суггестивная терапия и даже нейролингвистическое программирование.

Временами я чувствовал себя лабораторной крысой, на которой испытывают новую вакцину. Только крыса быстро сдыхала, а мне приходилось существовать дальше.

Чтобы предупредить суицидальные настроения, врачи прописывали нейролептики, которые подавляют желание умереть. Правда, желания жить они не прибавляют.

– Мои новые туфли? – неожиданно спрашивает Виктория, и я смотрю на её ноги. – Как они тебе?

Интересно, это такой приём или ей правда важно моё мнение?

Смущаясь, объясняю, что этот кабинет – единственное место за пределами дома, где я не плююсь постоянно вниз. Не разглядываю чью-то обувь.

Нет, правда, мне даже нравится смотреть ей в глаза.

Вот видишь, радуется она, значит, есть улучшения.

Ага, быстро соглашаюсь с ней, я тоже заметил прогресс.

Не так уж и сложно изображать радость на лице, когда это необходимо. Клоуны делают это постоянно. Неужели кто-то верит что, когда они появляются на арене, им и правда весело?

Жизнь – это тоже цирк, только огромный.

В нём есть свои дрессировщики-надзиратели. Фокусники-мошенники. И ещё много клоунов, которые всё время носят радостные маски.

На первый сеанс меня привела сестра. Мама тогда не смогла отпроситься с работы, поэтому сестре самой пришлось рассказывать мою историю.

Тогда ей было двадцать пять, и она только что окончила университет. Не сестра, конечно, а Виктория Николаевна. Сначала я обращался к ней только так. Но однажды она рассмеялась и сказала, что Виктории будет достаточно.

На ней был строгий костюм кремового цвета и такого же цвета туфли. Хотя правильно такой оттенок называется *ваниль*. Я-то в этом разбираюсь.

На безымянном пальце ее левой руки поблёскивал искорками золотой ободок с маленьким бриллиантом.

Мне было пятнадцать. Честно говоря, я не парился из-за присутствия сестры. По крайней мере, можно было не отвечать на вопросы.

Через месяц я стал ходить сам, и тогда пришлось изрядно попотеть. Мне надо было оставаться один на один с чужим человеком. К тому времени мои фобии разрослись до размеров небольшой галактики.

На первых сеансах я ограничивался парой слов или просто кивал.

Моя сестра, Оля, часто спрашивает: *Неужели так трудно ответить?* Я пытаюсь объяснить, что это действительно трудно. Слова превращаются в тяжёлые свинцовые шары и застревают в горле. Мне стоит неимоверных усилий выдавить хотя бы один такой шар наружу. Иногда легче промолчать. Или убежать.

– Больше не было приступов на улице? – спрашивает Виктория. – Открытые пространства ещё вызывают у тебя чувство страха?

Она говорит мягко. Её голос обволакивает не хуже кресла, в котором я сижу.

Внимательно, без угрозы, смотрит на меня. За всё время она ни разу не вышла из себя, не потеряла терпения. Не говорила, что я всё выдумываю и нужно просто взять себя в руки.

Ещё она строго следит за тем, как я принимаю лекарства. Чтобы не было ничего лишнего. Переживает, как бы у меня не развилась зависимость от успокаивающих препаратов.

К моменту нашей первой встречи мне уже столько всего прописали.

Нормотимик стабилизировал настроение.

Нейролептик приглушал негативные мысли.

Антидепрессант боролся с чувством тоски и одиночества. На самом деле антидепрессантов было два. Дневной и вечерний, для улучшения сна. В пятнадцать лет я жил на грани серотонинового синдрома.

А ещё зопиклон – на случай бессонницы. И, конечно, горсть транквилизаторов.

Но Виктория много чего отменила, хотя и не смогла совсем оставить меня без таблеток. Постепенно я привык к ней и даже стал отвечать на вопросы. А потом заглянул ей в глаза. В них я увидел нечто необычное. То, чего не встречал у других врачей.

Сочувствие.

Это притягивало и топило льдину величиной с айсберг в моём сердце. До меня вдруг дошло, что она действительно хочет помочь.

В какой-то момент я решил, что Виктория – не худший вариант. И если нужно ходить к мозгоправу, то лучше к ней. Тогда я и начал ей подыгрывать.

С каждым посещением мне становится немного *лучше*.

Стараюсь двигаться маленькими шажками, чтобы не *выздороветь* слишком быстро. Вот почему приходится сочинять небылицы.

Тем летом я спросил у мужчины в парке, который час. Три месяца назад я зашёл в кафе и купил кофе. А на прошлой неделе я собирался пойти в кинотеатр. Чуть-чуть не хватило смелости.

В конце концов, не вижу в этом ничего плохого. Так мы помогаем друг другу.

Она набирается уверенности, чтобы лечить других пациентов, а я наслаждаюсь временем в её кабинете.

– Как поживает твой друг? – спрашивает она и заглядывает в записи. – Ты рассказывал про него в прошлый раз. Он посещает психотерапевта?

Да, отвечаю я.

Серёга тоже регулярно ходит к врачу. И пьёт таблетки. Мы с ним идеально подходим друг другу.

Виктория знает про меня многое. А вот я про неё – почти ничего. Я даже не уверен, замужем ли она.

На её столе нет фотографий.

У других врачей стояли банальные, скучные снимки. Семейные карточки с хохочущими прилизанными детьми. Рыболовные трофеи. Отдых на пляже.

Но Виктория не любит выставлять напоказ свою жизнь. Такой она человек.

Рука снова непроизвольно тянется к кофе. Пальцы упираются в бездушную твёрдость оружия.

Глава третья

По дороге домой наступаю в грязную лужу. В башмаке противно чмокает. Сентябрьская вода несильно лучше льда. В город крепко вцепилась дождливая погода. Так и воспаление лёгких можно подхватить.

Сажусь на ближайшую лавку, всю покрытую ожогами от затушенных сигарет и белыми пятнами птичьих какашек. Легко оттягиваю вниз резиновую подошву и вижу синий, с тонкой белой полоской носок. Выглядит как насмешка. Я постоянно глазею на чужую обувь, но купить новые кроссовки – целая проблема.

Придётся упрашивать сестру, чтобы она сходила в магазин. И обязательно положила чек внутрь коробки. Если кроссовки не подойдут, можно поменять. И нужно молиться, чтобы вторая пара была впору. В третий раз сестра в магазин не пойдёт.

Если отправить в магазин Серёгу, значит – нужно что-то пообещать взамен. Он будет канючить и прикидываться больным, пока не дашь ему денег на пару пачек чипсов или здоровую бутылку колы.

Странные у нас отношения. Даже за небольшую просьбу он, как дрессированная собака, требует вознаграждения. Короче, Серёгина помощь обходится в копейчку.

Самое простое – это попросить маму. Она оставит все дела и пойдёт в обувной.

Мама – ходячий сгусток доброты. Тереза из Калькутты. Ангел, хранящий меня от бед. Возложила на плечи ношу и терпеливо её несёт.

Но я не хочу её просить. Она будет смотреть грустными глазами и гладить меня рукой по волосам, как маленького.

Мама ничего не понимает в молодёжной моде. Как ни объясняй, будет долго бродить между полками и, в конце концов, выберет не то, что нужно.

В кармане жужжит телефон.

МЫ ПЕРЕДУМАЛИ. ЗЕЛЁНЫЙ ЦВЕТ ЛУЧШЕ ПОДХОДИТ.

Так написано в сообщении. Я ухмыляюсь. Все клиенты одинаковые. Ты объясняешь им, они не соглашаются, тратят твоё время, а потом просят сделать так, как ты предлагал в начале.

На асфальтной дорожке кто-то оставил послание. Взял баллончик с жёлтой краской и начертил здоровые цифры. 411. Не знаю, что это может означать.

Не отвечаю на сообщение, встаю со скамейки и иду дальше. Мне нужно попасть домой как можно быстрее. Вокруг слишком много народу.

Несмотря на социофобию, у меня есть работа. Такая, чтобы не выходить из дома. Это делает жизнь хоть немного осмысленной. Двери университета всё равно для меня закрыты. Я не смогу высидеть и пяти минут в аудитории с другими людьми. Или открыть рот на экзамене.

Мимо проносится машина. Из приоткрытого окна слышно громкую музыку. Скрежет гитарных эффектов и бешеный ритм ударников больно бьют в уши. Внутри поднимается лёгкая тревога.

Из подворотни раздаётся пьяный хохот. Людям, которые там собрались, весело.

Смотрите, слышу я заплетающийся голос, вон как раз терпила идёт.

Рука быстро скользит под кофту. Обхватываю холодную рельефную рукоять и плотно её сжимаю.

От волнения ладонь потеет. Сердце разделилось пополам и стучит в оба виска. Напряжённо жду окрика за спиной, но гопники теряют интерес. Тело расслабляется, и рука выплывает наружу. Бледные пальцы немного подрагивают. До дома ещё пять минут.

В квартире я ощущаю себя солдатом, вернувшимся с фронта. Альпинистом, покорившим высоту и не сорвавшимся в пропасть. Я смог выжить во внешнем мире.

Дома привычная обстановка и обитают добрые люди. Здоровый рыжий кот по прозвищу Огонёк трётся об мои ноги. Клочковатая шерсть остаётся на джинсах.

Мама подобрала его в сквере возле больницы девять лет назад. В этот день меня перевели из реанимации в обычную палату.

Когда врачи отпустили меня домой, он уже жил с нами несколько дней.

Сняв мокрую обувь и переодев носки, я иду на запах из кухни. Шкворчание и запах жареного мяса подсказывают, что скоро ужин. Мама в домашней одежде суетится возле плиты.

– Как прошёл сеанс? – спрашивает она, не отрываясь от готовки. Тянется вверх и открывает дверцу шкафа. Там хранятся разные специи. Мама достаёт сухую смесь трав из баночки и сыпет на сковороду. Воздух наполняется пряным ароматом.

– Нормально, – говорю я, наливая в кружку кипятка. Беру пакетик заварки и опускаю его в воду. Светло-коричневое облако расплзается в стороны.

– Скоро будем ужинать, – говорит мама, помешивая мясо.

– Угу, – отвечаю я, выходя из кухни с крепко заваренным чаем. Мне нужно согреться. А ещё – попасть в свою комнату.

Щёлкнув замком, я для надёжности дёргаю ручку. Нужно убедиться, что дверь закрыта. Чай ставлю на стол, возле монитора. Тук-тук. Тук-тук-тук. Разогретая кровь заставляет сердце ускориться.

Становлюсь перед шкафом, смотрю в зеркало и медленно задираю кофту. Из-за пояса торчит рукоять. Она уже напиталась теплотой моего тела, но вначале её холод вызывал необычные, бодрящие ощущения. Медленно достаю пистолет, вытягиваю руку и прицеливаюсь в пустоту. Представляю, что будет, если мама его случайно найдёт.

– Иди кушать! – кричит мама, и пистолет чуть не выскальзывает из ладони от неожиданности.

– Сейчас, – громко говорю и снова прицеливаюсь, зажмурив левый глаз.

Мне кажется или оружие придаёт моему облику мужественности?

Нажимаю маленькую кнопку. Снизу из ручки выскакивает магазин. Небрежным движением бросаю его на диван. Передёргиваю затвор, проверяю, чтобы в стволе случайно не остался патрон. Теперь я обхватываю рукоять двумя руками. Целюсь в невидимого врага и нажимаю спусковой крючок. Громкий удар-щелчок бойка. На лбу выступает испарина.

Пришлось взять пару лишних заказов, чтобы оплатить *игрушку*.

– Ты уснул там, что ли? – сестра бесцеремонно колотит в дверь.

Важная информация: моя сестра – как заноза в неудобном месте.

Я хватаю магазин и загоняю обратно в пистолет.

– Минуту! – говорю я и подтаскиваю стул. Становлюсь на сиденье и прячу пистолет в ворохе старых вещей на шкафу.

В дверь снова стучат. Сестра требует, чтобы я шёл ужинать. Открываю дверь – Оля тут же шагает в дверной проём. Руки сложены на груди, на ногах узкие шорты, здоровые кольца в ушах.

– У тебя всё в порядке? – спрашивает она и оглядывает комнату.

В кармане снова вибрирует телефон. Быстро смотрю сообщение.

МОЖЕТ БЫТЬ, ДОБАВИТЬ БИРЮЗОВОГО?

Ничего не отвечаю и иду на кухню. Чай так и остаётся в моей комнате.

Глава четвёртая

Цитадель построена основательно, по всем правилам возведения фортификационных сооружений. Зазубренные сверху каменные стены, кажется, касаются небес. Стены окружает голубая лента наполненного водой рва.

Штурмовать крепость с наскока нет никакого смысла. На сторожевых башнях через каждые двадцать метров горят масляные факелы, освещая пространство. Это даёт наблюдателям возможность заранее увидеть приближение врага. Рядом с факелами стоят чаши с чёрной тягучей жижей. Если отряд заметят, то на головы польётся пылающая смола.

Именно поэтому Герберт ведёт маленький отряд обходным путём.

Проход обнаружили только вчера. Предатель из цитадели продал секрет за пятьсот монет. Так у отряда появился шанс проникнуть в крепость. Если, конечно, они не попадут в засаду.

Возможно, это ловушка, умело расставленная врагом.

Но пока всё идёт, как задумано. Они смогли подобраться к Тёмным Воротам незамеченными. Остаётся только запустить скрытый механизм, а остальное будет несложно. Уничтожить охранный пост за стеной – и проход свободен.

Если Герберт и его воины захватят *знамя Империи*, то им обеспечен титул *Героев*.

Охранники обнаруживают их слишком поздно, чтобы успеть подать сигнал.

Отряд Герберта вооружён хуже, но опыт важнее, чем самое лучшее оружие. Внутри они прорываются с минимальными потерями. Только двое отважных воинов остаются лежать сражёнными возле Тёмных Ворот.

Дальше отряд движется ещё осторожнее: это тени, а не люди из плоти и крови. Наконец они оказываются в узком переулке, ведущем прямо к сердцу города. Где-то там, в древнем Храме, сокрыто легендарное знамя Империи.

Герберт мужественно идёт впереди. Воины предлагали окружить его плотным кольцом, но он слишком уверен в себе. Гордость не позволяет ему искать защиты у солдат.

Вдалеке уже виднеются шпили древнего Храма. Над ними ярко сияют звёзды.

Остаётся совсем немного, когда из переулка выскакивает вражеская конница. Лошади, предчувствуя битву, дыбятся и громко фыркают. Герберт не успевает поднять меч, и копьё пронзает его. Прежде чем рухнуть на отшлифованную тысячами ног мостовую, он ещё раз смотрит на звёзды. Они медленно угасают, прощаясь с ним навсегда.

Падая, он замечает возле древней стены одинокую бутылку *пенси*. Но ему уже всё равно. Его тело распростёрлось на камнях, между которыми медленно течёт оранжевый ручеёк.

– Тебе надо поменять видеокарту. – Серёга откидывается в кресле. Вытирает пот со лба тыльной стороной ладони. – Оранжевая кровь никуда не годится. Где ты видел такую?

Его отряд, повстанцы, которые хотят стать героями, как один – отчаянные лодыри. Их предводитель – Герберт Отважный. Он же – Сергей Жаров.

Вместо того чтобы учиться или работать, эти ребята целые дни проводят за компьютером, сражаясь в виртуальном Средневековье. Застряли в нём – как и в развитии.

Мы сидим у меня в комнате. Серёга молотит по клавиатуре, я читаю фантастический роман, прямо с экрана смартфона. Интернет забит произведениями, которые авторы сами выкладывают в сеть.

– Тебя не волнует, что вы проиграли? – спрашиваю я, отрываясь от чтения.

Всю неделю они планировали сражение. Прокачивали оружие и навыки.

– Кровь должна быть алой или бордовой, – отвечает Серёга. – Но только не оранжевой, как мандарины.

Вообще-то такой цвет правильно называется *медный* или *кирпичный*. Я объясняю, что видеокарта ни при чём. Просто монитор такой старый, что искажает истинный цвет.

– Тогда купи новый монитор, – говорит Серёга, развалившись в компьютерном кресле. – Можешь сэкономить на психотерапевте. Или возьми новый заказ. У тебя же вагон времени. На ствол же накопил.

– Да тихо ты! – злобно шепчу я и наклоняюсь в его сторону. – Услышат ещё.

Маме и сестре не обязательно знать, что в груди хлама на шкафу спрятан пистолет. Если найдут – такой шум поднимут. Им не объяснишь, как опасно стало ходить по улицам.

На прошлой неделе в соседнем квартале нашли тело мужчины. Он вышел в магазин за сигаретами, а оказался в дренажной канаве со смертельными ножевыми ранениями. У меня тренированные ноги, но бывают ситуации, когда убежать не получится. Что тогда делать?

Ещё в городе развелось много бездомных собак. Бродят стаями по улицам и набрасываются на прохожих. Баллончик со слезоточивым газом – хорошее средство, но нужно подпускать противника слишком близко. Я стараюсь избегать ненужной близости, и пистолет позволяет держать дистанцию.

– Ладно, – примирительно говорит Серёга. – Но ты подумай над тем, что я сказал. Ты же легко можешь заработать, если захочешь.

Это правда. Мои клиенты говорят, что я создаю отличные сайты. И что важно – недорого. Делаю всю работу: дизайн, программирование, настройку.

Если вы решите открыть интернет-магазин, то это ко мне. Можно продавать китайские шуруповёрты, которые сломаются через пару недель. Или постельное бельё, которое быстро расплзётся по швам. В любом случае вам понадобится моя помощь.

От клиентов нет отбоя. На электронную почту сыплются письма. Меня заваливают сообщениями в мессенджере. Я даже не знаю, откуда у них мой номер.

Они хотят такой же сайт, как у того магазина, который продаёт рыболовные принадлежности. Кто-то им меня посоветовал. Сказал, что я всё делаю быстро. Проблема в том, что я не хочу целыми днями напрягать зрение, пялясь в монитор. Мне не нужно много денег. Я не вожу девушку в ресторан и не коплю на летний отдых. Поэтому я легко отказываюсь от некоторых заказов.

Серёга с шумом разрывает пакет с чипсами, и жёлтые крошки летят вниз.

– Осторожней, – говорю я, – или будешь пылесосить. Ты, кстати, ходил сегодня в университет?

– Врач освободил меня от учёбы, – Серёга набивает рот чипсами, и оттуда с трудом протискиваются слова. Теперь крошки сыплются на ковёр водопадом. – У меня маниакальная стадия.

Важная информация: Серёга на год старше меня, у него неухоженные сальные волосы, и он тот ещё оболтус.

Мы познакомились три года назад, когда вместе лежали в психиатрической больнице. Жуткое место. Решётки на окнах, как в тюрьме, озверевший персонал и натуральные психи вокруг. Даже если ты попадаешь туда с обычным неврозом, от обстановки можно реально свихнуться.

Первые несколько дней Серёга по-настоящему пугал. Я всё время думал, что ночью он задушит меня или проткнёт горло вилкой. Он лежал на кровати, отвернувшись к стене, и лишь иногда что-то бормотал. Из-за этого я не мог толком спать – просыпался от каждого шороха.

– Биполярное расстройство, – однажды услышал я сквозь дремоту хриплый голос.

– Чего? – я подскочил, как от удара током, и уставился на Серёгу. Он стоял рядом, лохматый, в мятой больничной пижаме, и смотрел прямо на меня.

– Врач говорит – депрессивный эпизод. – Не спрашивая разрешения, он присел на край моей кровати, опустил руки между колен и застыл в такой позе. В тот момент он напоминал старика, за плечами у которого долгая жизнь. – Уже неделю здесь. Сегодня только отпустило. – Из локтевого сгиба у него торчал кубитальный катетер, в который литрами вливали лекарства.

Мы пробыли вместе две недели. Не могу сказать, что лечение сильно улучшило моё состояние. Но, по крайней мере, там я нашёл друга. Мама была вне себя от радости.

В отличие от меня, Серёга почти *нормальный*. Он окончил школу и может разговаривать с людьми. Этим летом он даже поступил в университет. Правда, появляется там нечасто, оправдывая прогулы болезнью.

– Ты не похож на больного. – Я отбираю у него пакет и закидываю в рот пару чипсов. – В маниакальной стадии люди бегают по стенам.

– Пью литий в лошадиных дозах. – Он поднимает сцепленные руки и громко хрустит пальцами.

Там, где фаланги пальцев «врастают» в ладонь, пространство заполнено густой, как кисель, массой – синовиальной жидкостью. Когда мы резко растягиваем сустав, газ, растворённый в этой жидкости, превращается в пузырьки. Так образуется характерный хрустящий звук.

Литий – препарат первого ряда при биполярном расстройстве.

– Как твой сеанс, кстати? – Серёга спрашивает точь-в-точь как моя мама. Слово «сеанс» он произносит с надрывом, повышая голос, как конферансье в цирке, когда объявляет номер и просит всех слабонервных удалиться. Я не был в цирке уже несколько лет. Слишком много там посторонних звуков и незнакомых людей, жующих попкорн и вяло хлопающих в ладоши.

– Ну... – говорю я.

Посещение психотерапевта – одно из немногих условий, которые мама требует выполнять неукоснительно в этой жизни.

– Рассказал, как круто себя чувствуешь?

Серёга в курсе моих маленьких хитростей. У нас с ним нет секретов друг от друга. Да и какие секреты могут быть у тех, кто познакомился в психушке?

– Не боишься, что она тебя расколёт? – смеётся Серёга.

Я безразлично пожимаю плечами. Первое правило лжеца: когда врёшь, не углубляйся в детали. Обходишься общими фразами. Именно на мелочах прокалываются чаще всего. Второе правило: если обманываешь, имей хорошую память.

– Она несильно тебе помогает. – Серёга встаёт с кресла, вразвалку прогуливается по комнате, берёт с полки книгу и перелистывает несколько страниц. – Зачем тогда вообще к ней ходить?

– Если я пожалуюсь, мама найдёт другого, – отвечаю я. – А мне не хочется ничего менять.

– Ну и что? – удивляется Серёга. – Думаешь, станет хуже?

– Дело не в этом. – Встаю и забираю у него книгу, пока он не заляпал её жирными от чипсов пальцами. – Особой помощи я не жду. Нужно самому справиться. Виктория, по крайней мере, не грузит ненужными установками. Она не худший вариант.

– Ну и ладно. – Серёга валится на мою постель. Под спиной у него громко шуршит пакет из-под чипсов. Он выворачивает руку, будто в ней не суставы, а шарниры, немного возится и наконец бросает пакет на пол. – Она рецепты легко выписывает или клянчить приходится?

Больные любят обмениваться схемами лечения, которые им назначили врачи, – словно хозяйки, которые передают друг другу рецепт любимого пирога. Делятся тем, как взаимодействуют разные препараты. Сочетания разных таблеток они называют коктейлями.

Некоторые пациенты так привыкли к лекарствам, что могут глотать транквилизаторы горстями. Теряют меру и жуют их, что лошадь – сено. А потом сидят с плаксивыми глазами и выпрашивают у врача ещё один рецептик.

Была трудная неделя, объясняют они, близкие довели своими претензиями.

Но Виктория не из тех, кого так просто разжалобить. Поэтому я стараюсь не злоупотреблять.

– Если нужно, могу потерпеть, – отвечаю я.

– Всё время терпеть тяжело, – философски замечает Серёга и вдруг резко веселеет: – Она ведь симпатичная, да? – Он так неумело подмигивает одним глазом, что на секунду кажется, будто у него случился инсульт.

– Отвали, – говорю я. – Не буду я для тебя просить рецепт.

– Да я просто так говорю. – Серёга закидывает ноги на кровать и толкает меня к краю. – Не напрягайся особо.

Я сползаю на пол. Такой он, этот Серёга. Наглый и безобидный, но иногда хочется дать ему затрещину. Когда переходит грань. Правда, толку от этого не будет. Он всё списывает на маниакальный синдром.

– Лежал я как-то в палате с одним чудиком, – говорит он, запрокинув руки за голову. – Так тот конкретно подсел на колёса. А в наркологию не хотел ложиться. Ему ещё восемнадцати не было. Он по вечерам плакал, клячил у санитаров таблетку. Жалко его было.

Серёга провёл в психушке больше времени, чем я, и знает кучу историй. Больше весёлых, но иногда попадаются грустные. Зависит от его настроения.

Мы часто сидим у меня в комнате и вспоминаем разные случаи из жизни. До тех пор, пока Серёгу не накрывает депрессивный эпизод. Тогда он пропадает на несколько недель.

Звонить ему бесполезно. В такие периоды он никогда не отвечает.

А потом неожиданно стучит в дверь – и стоит на пороге как ни в чём не бывало. И так до следующего раза.

– Чего у тебя голова мокрая? – Серёга поднимается с постели и трогает пальцами мои волосы, чтобы убедиться, что ему не привиделось.

Рассказываю, как попал под дождь по дороге домой. Серёга понимающе кивает и снова плюхается на кровать. Я не решаюсь заговорить о кроссовках, чтобы не попасть в сети его вымогательств.

Серёга не задаёт ненужных вопросов. Он не спрашивает, почему я не спрятался от дождя в кафе или не сел на автобус, чтобы доехать до дома. И он точно не спросит, почему я не спустился в метро.

Каждый из нас собрал свою коллекцию. И, как настоящие коллекционеры, мы хвастаемся друг перед другом. Так дети во дворе показывают наборы игрушечных машин или фигурки супергероев.

Серёга знает, что я никогда не сяду в такси.

Даже если небо расколется и на землю прольётся огненный дождь пылающей серы. Буду стоять посреди улицы, обугленный, как пережаренная на костре сосиска, но не спущусь в метро, не зайду в автобус, не укроюсь в забегаловке.

Виктория – мой спасительный круг, потому что я могу дойти до её кабинета пешком. Не прибегая к услугам общественного транспорта. Неизвестно, где окажется следующий психотерапевт. Возможно, на другом конце города. Идти два часа в одну сторону совсем не хочется.

У Серёги нет страха перед метро. Его не пугает туннель, убегающий под землю, из которого постоянно тянет резиновым сквозняком. Он спокойно встаёт на эскалатор и спускается на платформу. Не задумывается о том, что случится, если штанина попадёт между ступеньками эскалатора. О том, что механизм этой двигающейся лестницы может перемолоть конечности в фарш. Не боится потерять равновесие и упасть под грохочущий электрический поезд.

Не понимаю, как можно спокойно стоять на лязгающей металлом змее, под которой зияет бездна. Если взглянуть в пространство между ступеньками, то можно увидеть её леденящий свет.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как я в последний раз был в метро. Страхи со временем не притупляются. Наоборот, разрастаются до невиданных размеров. Как чёрная дыра, поглощают всё вокруг.

Серёгины ночные кошмары – замкнутые пространства, высота и покойники. Когда он видит двери лифта, его ноги начинают дрожать, ладони потеют. Ноздри раздуваются – он задыхается, и ему стоит огромных усилий, чтобы не сорваться на бег.

Однажды он пошёл в торговый центр. Поднялся на третий этаж, на фуд-корт, чтобы купить хот-дог с колой. Всё было хорошо, пока он не услышал объявление по громкой связи.

УВАЖАЕМЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ! ЭСКАЛАТОРЫ ВРЕМЕННО НЕ РАБОТАЮТ. ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ДОСТАВЛЕННЫЕ НЕУДОБСТВА. ПОЖАЛУЙСТА, ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ ЛИФТОМ.

Проходы тут же перекрыли оранжевой лентой, чтобы люди не ломались на сломанные эскалаторы. Бедный Серёга забился в какую-то подсобку. Там, среди бутылок с чистящими средствами и вёдер со швабрами его нашёл уборщик и за руку помог спуститься по застывшим ступеням.

Мы чуть не поссорились, споря о том, кому фобии мешают сильнее. Он уверял меня, что если застрянет в лифте, то его сердце остановится. Но, по крайней мере, ему не нужно ходить по улице в мороз, когда все нормальные люди пользуются транспортом.

– Так что там со сражением? – спрашиваю я. – Вообще-то вы проиграли.

– Подготовимся получше – и отомстим. – Серёга вскакивает с кровати и становится в боевую стойку. – Назначу на завтра общий сбор в чате. – Он делает выпад в сторону невидимого противника. – Накопим монет, прокачаем отряд и снесём цитадель до основания. – Два неуклюжих удара по воздуху подтверждают серьёзность его намерений.

Серёга постоянно тянет деньги из родителей, чтобы покупать всё новое и новое вооружение для игры. Поэтому бездельники выбрали его своим предводителем. Но ему вечно не хватает снаряжения, потому что игровые монеты стоят дорого. А тут ещё пришлось потратить приличную сумму на тайный проход, который почему-то не сработал.

– Ясно, – говорю я. – Тогда удачи.

Серёга, как профессиональный каратист, с шумом выдыхает и закрывает глаза – тренировка окончена.

– Но с монитором надо что-то делать, приятель, – отрешённо шепчет он.

Глава пятая

На разных программах психологической помощи, которые я посещал, говорили, что нужно переложить вину.

Например, на резко изменившуюся погоду. Именно она заставила нас тогда унести ноги, потому что мы боялись застрять в грязи.

Или на узкую, всю в ямах дорогу с плотным потоком машин. Или даже на день недели: будь это суббота или воскресенье, всё наверняка закончилось бы иначе. Отец же выбрал понедельник, несмотря на то, что в выходные дороги почти пустые. Но по выходным на берегу отдыхающие жарят шашлыки и слушают громкую музыку, распугивая рыбу. Поэтому отец выбрал понедельник.

Бывают дни, которые отпечатываются в нашей памяти на всю жизнь. Можно снова и снова прокручивать эти воспоминания – как видео на экране. Ставить на паузу, замедлять, пропускать эпизоды.

На просёлочной дороге между двумя затерянными в полях деревнями лежала собака. Заметить её было непросто. Ещё толком не рассвело, и, как назло, собака была пепельного цвета. Шерсть скаталась серыми комками. Старый седой кобель, прилёгший отдохнуть.

Это было то время суток, когда темнота растворяется, но солнце ещё не взошло. Поэтому свет фар тонул в густой предутренней мгле. Очень неудобно для водителя. Видимость не дальше пары метров. Отец чуть не раздавил пса: едва успел вывернуть руль и при этом громко выругался. Мальчик проснулся и потёр слипшиеся глаза. Он приткнулся к заднему окну и увидел, как пёс вцепился себе в бок, остервенело выкусывая блох. Кобель даже не понял, что чуть не погиб.

Маленький глупый мальчик очень обрадовался, когда отец сказал, что завтра они поедут на рыбалку. Его не остановила необходимость встать затемно, идти в гараж за машиной и трястись полтора часа по дороге, большая часть которой была сельской грунтовкой. И то, что по пути то и дело придётся выбирать: открыть окно и дышать пылью или задыхаться в душном салоне автомобиля, не оборудованного кондиционером.

Мальчику было восемь. Почти девять, но формально всё же на год меньше: до дня рождения оставалось несколько дней. Его лицо покрывал светлый шоколадный загар: сказалось время, проведённое в детском лагере. Волосы от солнца выгорели, отросли и завихрились. Он ещё не успел побывать в парикмахерской. Мама сказала, что отведёт его туда, когда он вернётся с рыбалки.

Отец сидел за рулём нахмурившись. Не только из-за собаки-самоубийцы, – он забыл дома в холодильнике заранее приготовленных червей. Мама всё время ворчала, когда находила банку с шевелящейся землей, поэтому он прятал её подальше от глаз – за разными продуктами. Теперь придётся тратить драгоценное время, чтобы найти новую наживку.

Пропустить утренний клёв – самое ужасное, что могло случиться. Мальчик снова задремал на заднем сиденье, надёжно пристёгнутый ремнём. Он мечтал поймать большую рыбу: упитанного сазана или плоского, но крупного леща.

Они добрались до реки, когда рассвет едва задался на горизонте, окрасив всё вокруг в серый.

Отец достал из багажника лопату и начал ковырять сухую землю. Дождя давно не было, поэтому черви ушли глубоко. Он откидывал куски земли в сторону и разбивал их лопатой. Первый червь оказался разрезанным пополам. Отец тут же повеселел.

– Собирай в банку!

Брошенную кем-то жестянку из-под тушёнки они нашли здесь же.

Новый шмат земли глухо упал у ног мальчика, и он впился в него руками. Маленькие жирные сосиски так и норовили проскользнуть между пальцами. Во время дождя потоки воды вымывали червей из верхнего слоя почвы, и они попадали в реку, где становились кормом для рыбы. Вот почему это была отличная наживка.

– Всё, хватит! – Отец воткнул лопату рядом со свежей ямой. – А то весь клёв пропустим. Потом ещё накопаем.

На улице было прохладно. Совсем не по-летнему. Мальчик пританцовывал и дышал в сложенные лодочкой ладошки. От остывшей за ночь воды шёл пар. Изредка слышались всплески небольшой рыбы.

Отец размахнулся спиннингом и резким движением закинул снасти. Свинцовое грузило с громким чмоком ударило об воду и опустилось на дно.

– Сиди тихонько и слушай, – сказал он мальчику, подвигая перевёрнутое ведро вместо стула. Затем достал из кармана маленький колокольчик и повесил его на верхушку удилища. Если рыба найдёт червяка и схватит его, раздастся металлический перезвон. – Когда зазвенит, сразу хватай и подсекай.

Отец уже успел вытащить двух карасей размером с мужскую ладонь, а у мальчика ещё не было ни одной поклёвки. Он смотрел на кончик удилища, но тот стоял неподвижно. Под другим берегом около притопленных кустов вывернулась здоровенная рыба и плюхнулась в воду. Её серебристый бок сверкнул в свете наступающего дня.

– Идём, перекусим. Никуда твой улов не убежит.

Отец достал из рюкзака и разложил прямо на влажной траве завернутую в промасленную газету еду. Кусочки сала с мясными прожилками, порезанная ломтиками колбаса, варёные яйца. Налил из термоса горячий, по-рыбацки крепкий чай. Мальчик на всю жизнь запомнит вкус чёрного хлеба, из которого отец сделал ему бутерброд.

Быстро пообедав, они вернулись к снастям. Солнце уже поднялось над горизонтом. Воздух прогрелся и вместе с полным желудком нагонял дремоту. Неожиданный перезвон, прозвучавший в тишине будто церковный колокол, вытянул мальчика из забытья.

– Подсекай! – закричал отец, но остался на месте. Он хотел, чтобы сын сам вытащил рыбу, почувствовав силу при вываживании.

Мальчик окончательно проснулся и, схватив удилище двумя руками, рванул его на себя. В первое мгновение ему показалось, что крючок зацепился за камень, потому что он не мог прокрутить ручку катушки. Но тут леска ожила и резко пошла в сторону. Рыба старалась освободиться из ловушки, почувствовав, как крючок впивается в губу. Медленно, сантиметр за сантиметром, мальчик подтягивал леску к себе. Отец уже стоял с огромным рыболовным сачком наготове.

Большой сом змеей извивался на берегу. Мальчик бросился к нему и попытался подхватить руками. Это было не так-то просто сделать. Сом был очень скользкий. Кожа рыбы вырабатывает слизь – защитная реакция на удушье. Чем больше рыба находится на воздухе, тем больше образуется слизи. Рыба медленно задыхалась. Слизь означала скорую смерть. Издавна между собой рыбаки называют сома сопливым.

– Неси его в садок, – сказал отец. – Только смотри не урони.

Мальчик взял сома под жаберные плавники и аккуратно понёс к опущенному в воду садку. Сом беззвучно открывал рот и таращил свои маленькие глаза. Тонкие усы безжизненно прилипли к голове. Мальчику показалось, что сом о чём-то хотел спросить. Сильное упругое тело постепенно слабело в его руках. Он чувствовал, как из рыбы выходит жизнь. И тогда он разжал пальцы.

Рыба упала в воду и на мгновение замерла, не веря, что такое возможно. В следующую секунду сом сделал слабый рывок и исчез в глубине.

Отец ничего не сказал. Он стоял и смотрел на сына, который ещё пытался разглядеть в воде отпущенную рыбу. Потом отвернулся и принялся медленно сматывать удилище.

– Надо собираться, – сказал он и посмотрел куда-то вдаль. – Отрыбачились на сегодня.

Мальчик подумал, что отец сердится из-за сома. Но когда он поднял голову, то увидел огромную чёрную тучу, выплывающую из-за горизонта. Если вовремя не уехать, то полевая дорога раскиснет от дождя и превратится в грязевую засаду. Мальчик сел на корточки и стал отмывать руки от липкой слизи.

Глава шестая

Когда постоянно сидишь дома, любое отклонение от привычного образа жизни – само по себе событие.

Стараюсь идти быстро, но приходится всё время обходить лужи. Мой единственный друг не любит, если я задерживаюсь. А я не люблю выходить на улицу, когда слишком светло.

Хотя сам Серёга постоянно опаздывает. Всегда находит причину, почему не пришёл вовремя.

Мы договорились встретиться вечером в парке.

Есть там у нас укромное место.

В город как раз вернулась хорошая погода. По улицам разлилось тепло. Мы решили, что воздух прогрелся достаточно, чтобы мы не замёрзли. Если всё-таки будет холодно – разложим костёр из сухих веток.

Пока экологи сражаются, чтобы сохранить зелёные насаждения в черте города, за парк можно не волноваться.

Только какой-нибудь ловкач захочет оттяпать кусок земли, чтобы построить жилой квартал или супермаркет, как толпа активистов бросается в атаку. Транспаранты, шум и лозунги заполняют очередной сквер. Журналисты в поисках сенсации с надеждой ждут заварушки. Может получиться хороший кадр: плакат «*Сохраним парк*» рвётся от удара по голове представителя строительной компании.

Чтобы не идти по многолюдному проспекту, я сворачиваю на узкую сквозную улицу.

За последние годы я исходил все близлежащие районы. Изучил тихие переулки и секретные проходы между домами – тропинки, проложенные в бетонных джунглях.

На этой улице луж почти нет, зато стоит отменная вонь. Быстро прохожу мимо мусорных контейнеров. На их зелёных металлических боках большие белые буквы.

«КРАУН-М».

Наверное, название компании, ответственной за их вывоз. Делает она это редко – судя по тому, что баки доверху заполнены.

Мусор не только в контейнерах, но ещё и разбросан вокруг. Внимательно в него всматриваюсь. Бытовые отходы – это источник кладов в двадцать первом веке. Всегда есть место для чуда, если в него верить.

Ветер может выпотрошить книгу, в которой хозяева забыли записку.

Кто-то случайно выкинет банку из-под кофе, где спрятаны золотые украшения.

В подобной ситуации нужно заявлять в полицию. Но кто так делает в наше время?

Взгляд пробегает между консервными банками, обрывками газет и мятым картоном.

Рассматривать мусор – один из моих ритуалов. Их у меня много.

Например, складывать цифры на номерах машин. Особенно хорошо, если в сумме получается одиннадцать или двадцать три. Мне нравятся эти числа. Я не могу вспомнить, кто был за рулём чёрного внедорожника «Форд», стоявшего в начале проулка, но знаю, что сумма чисел на номере, – шестнадцать.

Врач объяснил однажды, что навязчивые действия – защитный механизм. Так мозг отвлекается от тревожных мыслей.

Поддетая ногой картонная коробка отлетает в сторону. Она ударяется о контейнер, и оттуда выскакивает перепуганный чёрный кот. Лохматый одноглазый уличный боец. Не то чтобы я сильно верю в приметы, но смотреть, как мимо проносится ком грязной шерсти, неприятно. Может, повернуть обратно? Но мысль о толпе народа на проспекте пугает меня больше, чем чёрный кот.

Если говорить совсем откровенно, есть ещё кое-что, из-за чего я не хочу возвращаться.

В самом конце этого смердящего проулка стоит дом. Ничего особенного. Обычная шестиэтажка советских времён. Одна сторона выходит на улицу – не такую оживлённую, как проспект, но людей хватает. Фасад с той стороны обновили: покрасили жёлтой краской. А со двора это просто облезлое здание с отваливающейся штукатуркой.

Половину первого этажа занимает кафе. Когда-то там был мясной магазин. В интернете нашлись старые чёрно-белые фотографии. Мясо, рёбра, ребуха на витринах и грустные люди, стоящие в очереди за всем этим.

В перестройку кто-то выкупил помещение. И вывески стали меняться так же быстро, как и жизнь в девяностые. Комиссионный магазин, салон красоты, аптека. А потом открылось кафе. Стены отделали деревянными панелями. Пол выложили керамической плиткой песочного цвета. В новых витринах выставили пирожные, стали варить кофе. Обо всём этом я прочитал в сети.

С парадной стороны у кафе стёкла во всю стену. Через них трудно разглядеть, что происходит внутри. Во двор же выходят несколько обычных по размеру окон. Не знаю, что там – служебные помещения или кладовка, – но в них я однажды увидел девушку.

Она стояла боком и с кем-то разговаривала. Меня она не заметила. Наверное, поэтому я решился её рассмотреть. Даже с такого ракурса было понятно, какая она красивая.

Однажды Серёга по моей просьбе зашёл внутрь. Он пробыл там целых десять минут, но никого похожего не нашёл.

Русые волосы, чёлка, спадающая на лоб, немного курносый нос, объяснил я.

– Нет там такой, – сказал Серёга, протягивая мне фруктовый чай. – Есть узбечка с чёрными волосами. У другой – нос и уши с проколом в нескольких местах. У твоей ничего такого не было?

Нет, неуверенно говорю я и снова повторяю приметы.

– Может, она на кухне работает, – предполагает Серёга. – Или моет посуду.

Мысль о том, что такая девушка может быть поваром, вызывает у меня отторжение. Не то чтобы я не люблю поваров, но с такой красотой место точно не на кухне. Она выглядит как модель с обложки. Легко могу представить её на подиуме.

И я заставляю Серёгу зайти ещё раз через неделю. Все походы оплачиваю я. Серёга продолжает уверять, что никого не нашёл.

– Пойдём во двор – я покажу тебе её в окне, – предлагаю я.

– Знаешь, друг, – в этот раз Серёга держит кончиками пальцев два карамельных латте, очень горячих, – заглядывать в окна – это уже перебор. Не находишь?

– Ты же не думаешь, что мне показалось? – Беру у Серёги стакан и делаю маленький глоток. Карамельная лава течёт по горлу, но я не обращаю на неё внимания. – Я правда её видел.

Серёга пожимает плечами и достаёт из кармана мятый бумажный пакет. В нём конфеты: шоколадные шарики, присыпанные кусочками орехов. Маленькие и сморщенные, как высушенные птичьи мозги. Всё за мой счёт.

Мне неловко от мысли, что девушка в окне однажды заметит, как я на неё заглядываюсь. Серёга говорит, что *эти извращённые отношения* не имеют никакого шанса.

– Не обманывай себя. – Мы сидели у меня дома и скачивали обновление для компьютерной бродилки. – Это всё равно, что влюбиться в актрису, которую видишь только в телевизоре. Или в девушку с постера. У тебя на стене никогда не висел плакат со стройной красоткой?

Ничего подобного у меня не было.

Чёрный кот, перебежавший улицу, заставил меня остановиться.

Через секунду смело пересекаю невидимые кошачьи следы.

Я снова вижу в окне девушку. Только на короткий миг. Когда я прохожу мимо, она на мгновение появляется – и исчезает в глубине помещения. Жаль, но сегодня я тороплюсь.

Когда я наконец оказываюсь возле парка, Серёга пыхтит, как паровоз. Ещё немного – и он задымится. На улице темнеет, он топчется на месте и вертит головой. Смотрю на часы. Я опоздал на пятнадцать минут.

– Так нельзя! – Серёга злится и постоянно трогает свои неухоженные волосы. – Спорим, ты специально ждал, пока на улице станет поменьше людей. – Мы идём в другую сторону от центрального входа. – Нельзя опаздывать, когда у тебя вагон времени. Просто выходи раньше из дома. Это так делается. – Оказывается, он звонил. У него почти села батарея, но он набирал меня дважды. А я забыл телефон дома.

Терпеливо жду, пока он выдохнется, и говорю дежурные слова с извинениями. Он выглядит обиженным, но через пару минут остывает.

Чтобы попасть в парк обычным способом, нужно пройти через центральные ворота. Вечером там многолюдно. Парочки прогуливаются, сцепившись руками. Бегуны в форме топчут асфальтовые дорожки, чтобы сбросить лишние калории. На лавочках, припрятав пиво, сидит молодёжь. В десять вечера ворота закрываются.

Мы хотим задержаться, поэтому идём по тротуару вдоль парка. В нужном месте резко раздвигаем кусты – и нас проглатывают заросли.

Тропинку я обнаружил несколько лет назад, обходя в очередной раз ближайšie к моему дому районы. Она ведёт в дикий уголок парка, настолько густой, что там никто не ходит. На поляне посреди чащи можно посидеть, и тебя не потревожат. Можно разжечь костёр, чтобы запечь картошку в углях или поджарить сосиски. Под деревьями всегда есть куча сухих веток.

Пройдя метров триста, мы упираемся в ручей. Нужно снять обувь и носки, закатать края штанов и пройти по воде.

– Я тут подумал, – говорю Серёге, сидя на большом камне и засовывая носки в карман. – Мне надо самому сходить в кафе. Сяду за столик, закажу кофе и буду ждать, пока не увижу ту девушку. Мне не обязательно с ней разговаривать. Выберу время, когда будет поменьше посетителей.

– Ага, – рассеянно отвечает Серёга, пытаясь в сумерках разглядеть нестриженные ногти на ногах. – Вот что я тебе скажу. – Он начинает размахивать длинными носками, как нунчаками. – Однажды тебя застукают и сообщат в полицию. – Он противно гнусавит, видимо, изображая старушеницу: – Тут озабоченный парень подглядывает в окна за девушками.

– Я серьёзно. – Мы берём обувь в руки и заходим в ледяной ручей. Здесь неглубоко, чуть выше щиколоток. Но ноги тонут в густом иле, и всегда есть риск распороть ступню затонувшей веткой или битым стеклом. Люди получают особенное удовольствие, когда бросают пивные бутылки в воду. – Короче. Мне кажется, я готов.

Перейдя вброд, мы вытираем ноги большими лопухами и снова обуваемся. Серёга опускает закатанные штанины и говорит:

– Когда соберёшься, не забудь меня позвать. Хочу посмотреть на это представление.

– Ладно, – говорю я, затягивая шнурки. – Вот увидишь, у меня получится.

Серёга хмыкает и двигает вперёд по едва различимой тропинке. Пока не стемнело, нужно добраться до поляны.

Глава седьмая

Найти абсолютную темноту сложно. Таковую, про которую говорят *хоть глаз выколи*. Как если укрыться с головой одеялом.

Даже ночью всегда есть немного света. Сейчас над нами зависла огромная луна. Своим тусклым сиянием она очерчивает контуры деревьев вокруг нас. В любом случае даже самая тёмная ночь меня не пугает. Внутри меня давно поселился сгусток тьмы.

В парке много звуков. Если затаить дыхание и прислушаться, слиться с зарослями, то можно услышать, как кипит ночная жизнь. Вдалеке журчит ручей. Ветер качает деревья. Шум листьев напоминает звук набегающих волн. В кустах копошатся мелкие зверушки. Мы лежим, расстелив ветровки на траве, и смотрим вверх.

– Прямо как в лесу, – говорит Серёга.

Мне нечего ему ответить. Как выглядит настоящий лес, я помню плохо. Когда-то мы с отцом ходили по грибы. Пробирались через чащу, потом садились на ствол поваленного дерева и пили из армейской фляги воду, которую набрали в роднике. Всё это было в другой жизни, которая похоронена под толстым слоем памяти. Приходится поворошить пласты, чтобы вытащить наружу давно забытые ощущения.

– Там пахнет по-другому, – наконец говорю я.

– Запах как запах, – говорит Серёга и сгребает рукой опавшие листья, поднимает их и разжимает пальцы. Я чувствую, как листья падают на лицо, и не убираю их.

– Хотел сказать, – Серёга поворачивает ко мне голову, – по поводу той игрушки.

– Какой игрушки? – спрашиваю я.

– Ну... – он переходит на шёпот, хотя нас никто не может услышать. – Пистолет, который я тебе достал.

– Продал, – поправляю я его.

– Тссс, – шипит он на меня. – А вот про это никому говорить не надо.

– Про что? – спрашиваю я. – Про пистолет, который ты мне продал?

– Да тихо ты! Сам же просил быть осторожным, – почти стонет Серёга.

– Тут никого нет, – смеюсь я.

– Мы в парке. На улице. Это не то же самое, что в квартире, – задумчиво произносит Серёга. – Давай придумаем, как его называть, чтобы нас никто не понял. Короче. Если нужно о нём что-то сказать, мы говорим *игрушка*. Ясно?

Мне всё равно, как его называть. Например, *ствол*.

Вообще-то это ненастоящий пистолет. Хотя у него есть дуло, магазин и курок. Затвор громко щёлкает – и патрон оказывается в стволе. Но из этого пистолета невозможно никого застрелить. Громкий выстрел может оглушить. Но стреляет он только холостыми патронами. Такое охолощённое оружие называют *обезжиренным*.

Понимаете аналогию? Его как бы лишили силы. Взяли старый боевой пистолет и переделали под стрельбу шумовыми патронами. Примитивный пугач.

С нашими диагнозами и справкой от психиатра никто и никогда не выдаст нам разрешение на покупку настоящего оружия. Даже с резиновыми пулями. А чтобы купить такой вот *обезжиренный* ствол, достаточно показать паспорт. Серёге как раз исполнилось восемнадцать, и он спокойно пошёл в магазин и купил для меня пистолет. Тоже мне *оружейный барон*.

– Так вот, – Серёга продолжает свою мысль, – я что хотел сказать. Если тебя с ним застукают, ты же не скажешь, где взял его, да?

– Ага, – говорю я. – Никому не скажу, что ты продал мне пистолет.

Серёга толкает меня в бок, и я тихо смеюсь.

– Похоже на светящиеся прыщи, – неожиданно произносит он. – Не находишь?

– Ты о чём? – удивляюсь я.

– Ну, звёзды, – силуэт его руки тычет вверх. – Если представить, что небо – это лицо, то они как прыщи.

Серёга сильно переживает из-за своего лица. Пару лет назад его обсыпало красными пятнами и бугорками. Потом появились ямки и рыхлости. Серёга покупает разные крема, умывается специальным мылом, – но всё напрасно.

Он уверен, что именно из-за этого у него нет девушки. Спорить с ним бесполезно. У меня кожа гладкая и чистая, но мне от этого никакой пользы. У меня тоже нет девушки.

– Меньше ешь пирожных, – говорю я. – Это всё из-за сладкого.

– Ерунда, – мне не видно его лица, но наверняка он сейчас морщится. – Просто у меня проблема с гормонами.

Все так говорят.

У тебя отвратительный характер и ты на всех срываешься? Это гормоны разыгрались.

Не можешь похудеть – обвиняй гормоны.

Легче всё свалить на них, чем признать, что любишь набивать желудок всякой дрянью. Серёга обожает сладкое. Если бы существовала огромная, размером с машину, мышеловка, то можно положить туда шоколадку – и Серёга обязательно попадётся.

Из-за его любимых десертов лицо и обносит, как в пургу снегом.

– Что-то я замёрз, – говорит Серёга и приподнимается на локтях. – Давай разведём костёр. У меня, правда, всего пара спичек.

– Подожди немного, – прошу я. Мне хочется насладиться этой ночью и свежим воздухом. Закрываю глаза, чтобы выключить лунный свет, и сливаюсь с темнотой.

Слух – это зрение темноты.

Внезапно в животе неприятно холодеет. Будто остывающий уличный воздух просочился под кожу. Кажется, рядом с нами кто-то есть. Внимательно вслушиваюсь и касаюсь пальцами Серёгиной руки.

– Ты чего? – Он вздрагивает и резко переворачивается на живот.

– Тихо, – одними губами говорю я. – Не шевелись.

За деревьями раздаются звуки. Какой-то рассекающий лязг.

Раньше такого не было. И ещё можно уловить приглушённые голоса – мужской и женский. Они не спорят, любовной возни тоже нет. Просто двое разговаривают друг с другом.

– Слышишь? – очень тихо спрашиваю я.

– Надо сваливать. – Серёга подполз ко мне, как змея, и теперь дышит прямо в лицо. От него несёт луковыми чипсами. – Нам ведь не нужны неприятности.

Я поворачиваюсь на шёпот и нащупываю рукой его ухо.

– Подожди, – говорю я. – Может, это просто парочка уединилась.

– Давай уйдём, – шипит Серёга. – Ты же не будешь за ними подглядывать.

– Конечно, нет, – соглашаюсь я и раздвигаю кусты, чтобы лучше видеть происходящее.

Вдалеке два силуэта. Женщина светит фонариком, а мужчина копает яму. Вот откуда эти звуки. Я вижу, как лопата врежется в землю. Женщина что-то говорит своему спутнику, её рука нервно вздрагивает, пятно света всё время колыхнется. Невозможно уловить, о чём они говорят. Шум деревьев на ветру становится сильнее и сливается с речью. Серёга тянет меня за рукав, но я не могу оторваться от наблюдения, поэтому просто отдёргиваю руку.

В общем-то, Серёга прав: лучше уйти. Ночь. Безлюдный уголок парка. Парочка копает яму. Вряд ли они собираются посадить тут яблоню или вишню.

Они хотят что-то скрыть от посторонних глаз. Например, прячут деньги. Зарывают партию наркотиков. Ну, или избавляются от трупа. Если вам ночью в парке повстречалась парочка с лопатой в руке, – ничего хорошего это не сулит.

Хотя вот мы с Серёгой тоже здесь. Украдкой подглядываем за ними. Но при этом вполне нормальные. Правда, наши психиатры с этим не согласятся.

Важная информация: у нас с Серёгой нет лопаты. Мы не замыслием ничего дурного.

Нам и раньше встречались в закрытом парке люди. Токсикоманы с тубиком клея в пакете. Извращенцы, подкарауливающие зазевавшихся женщин. Мы даже находили шалаш, построенный бездомными, – вполне пригодный для жилья.

– Они явно что-то задумали, – сопит Серёга.

– Ты думаешь? – я стараюсь, насколько возможно, придать шёпоту задумчивое выражение. – А мне кажется, они просто дышат свежим воздухом.

– Зачем нам всё это? – Он прижимается губами к мочке моего уха и вдыхает в меня слова: – Хотя бы достань пистолет.

– Ты же просил так его не называть, – наигранно удивляюсь я.

Эта парочка, копошащаяся в земле, заставила мои надпочечники активно вырабатывать адреналин. Внутри меня всё бурлит, как у ребёнка на аттракционах.

– Да какая разница! – шипит он. – Просто приготовь его на всякий случай.

Выполнить просьбу я не могу. Пистолет лежит в моей комнате в куче хлама на шкафу.

Прости, говорю я, он остался дома.

Серёга тихонько скулит и опускает голову в траву, прямо между собачьими какашками и сухими листьями.

Неожиданно парочка замирает, и луч света бьёт в нашу сторону. Сердце быстро спускается по рёбрам и растворяется в животе. Я тоже пригибаюсь к земле и практически не дышу. Стараюсь при этом не думать, сколько псов справляли нужду в этой траве. Через несколько секунд слышно, что парочка возобновляет работу.

Мужчина наконец закончил копать и теперь вытирает платком лицо. Серёга уже смирился с тем, что мы не уходим. Он отполз в сторону на несколько метров. Никогда бы не подумал, что человек без подготовки может так умело скользить по земле. Он вжался спиной в ствол дерева и прикинулся засохшей корягой.

Мужчина присаживается на корточки. Женщина кладёт фонарик на свежий холм и опускается рядом с ним. Луч высвечивает что-то большое и длинное. Что-то, напоминающее бревно, завернутое в ковёр.

Я молчу и ничего не говорю Серёге, потому что знаю, что он скажет.

Никто не заворачивает бревна в ковёр и не роет для них в парке ямы по ночам. Только если...

Только если этот ковёр не уликает их в совершённом преступлении.

Мужчина и женщина упираются руками и толкают рулон вниз. Мне не слышно, как он падает в яму. Мужчина берётся за лопату и быстро возвращает землю туда, откуда он её только что доставал. Женщина топчется на месте и светит ему фонарём.

Вся земля не вмещается обратно. Они достают мешок и набивают его лишней почвой. Они хорошо подготовились: все их действия продуманны.

Женщина помогает мужчине закинуть полный земли мешок на спину, берёт лопату, и они становятся невидимыми в темноте.

– Ты видел, что они закопали? – бормочет Серёга, когда я сажусь рядом с ним.

– У тебя телефон ещё жив? – спрашиваю я.

– Ты что задумал? – дрожащим голосом говорит он. – Ты же не собираешься туда идти?

– Пойдём, посветишь мне.

Я шарю по земле, чтобы найти подходящую палку. Вместо этого мне попадается кусок жёсткой проволоки.

– Давай свалим, – снова скулит Серёга. – Тебе что, мало своих проблем? Что, если там труп?

Внутри меня зудит любопытство. Не так много всего случается в моей жизни, чтобы отказываться от приключений. Тем более лекарства приглушают тревогу. Серёга чуть наклоняется, и луна хорошо освещает его лицо. Я кладу руку ему на плечо.

– Страх перед мертвецами – самый глупый из всех. – Я заглядываю в лицо друга. В его глазах мерцают маленькие звёзды. – Пора уже это понять. У меня хорошие отношения с мёртвыми. Живые пугают меня больше.

Мы осторожно крадёмся к месту, где ещё недавно возилась парочка. Перед нами – свежее земляное пятно посреди травы. Аккуратно выпрямляю проволоку и засовываю в мягкую землю, пока она не упирается в препятствие. Зажимаю пальцем проволоку возле самой земли и вытаскиваю обратно.

– Совсем неглубоко, – говорю я. – Сантиметров сорок, не больше. Посвети мне.

Оглядываюсь и нахожу обугленную ветку. Ковыряю землю, пока Серёга постанывает рядом:

– Не хочу знать, что там.

Он отворачивается, и телефон светит в сторону. Поправляю его руку. Серёга дрожит, и свет постоянно дёргается. Я отбираю у него телефон и закрепляю его на земле при помощи камней, как маленький факел.

Наконец палка на что-то натывается. Я отбрасываю её и руками разгребаю землю. Это кусок линолеума. С опаской трогаю его пальцем. Серёга не выдерживает и ломится через кусты обратно на поляну.

В колышущейся воде видно, как подмигивают звёзды. Они совсем не похожи на прыщи. Я сижу возле ручья и старательно отмываю руки и ноги. Мне пришлось долго возиться, закапывая всё обратно. На джинсах два чёрных пятна там, где я стоял коленями на земле. Серёга трогает меня за плечо. Оборачиваюсь и вижу его бледное в лунном свете лицо.

– Не хочу знать, что ты увидел, – шепчет он, тяжело дыша. – Зачем ты раскопал эту яму? Нужно было просто уйти. Но ты всё испортил. Поэтому прошу тебя, не рассказывай мне.

Серёга делает из спрятанного рулона этакого *кота Шрёдингера*. Пока не знаешь, что внутри, можешь выбрать версию, которая тебя устраивает.

– Ладно, – говорю я и протягиваю ему телефон. – Пошли домой, мне ещё джинсы стирать.

Глава восьмая

Тик-так. Тик-так. Солнце нагревает окно кабинета так сильно, что стекло готово потечь от жары. Невыносимо душно.

Я не могу собраться с мыслями, так сильно я вспотел. Рубашка прилипает к замшевой обивке кресла. Крупная капля катится по спине. Ощущение, будто по позвоночнику бежит мокрый таракан.

Виктория не замечает жары. Сегодня она выглядит отстранённой. Делает вид, что слушает, а сама смотрит сквозь меня. В руках у неё папка-планшет, но за двадцать минут она не сделала ни одной записи.

Так даже лучше. Можно говорить разную чепуху. Не рассказывать же ей о том, что случилось в парке.

Тик-так. Тик-так. Счётчик денег в виде круглых настенных часов за моей спиной работает исправно.

Однажды я спросил Викторию, что она делает с заметками. Не потому, что боялся, будто моя тёмная сторона станет кому-то известна. Просто из любопытства. Она отложила планшет в сторону и посмотрела на меня. Ледяная, как айсберг, улыбка лишь на мгновение тронула губы. Но она быстро взяла себя в руки.

Между нами всегда есть дистанция врачебной этики.

Виктория объяснила, что в книжном шкафу, за дверцами, вместо нижней полки вмонтирован настоящий сейф. Там хранятся личные дела пациентов. Никто не может получить к ним доступ.

Сейф настолько тяжёлый, что пришлось нанять четверых грузчиков, чтобы занести его в кабинет. Изнутри он привинчен к бетонному полу длинными анкерами. Сейф легко выдержит даже пожар. Ни один листочек не пострадает.

Лично я не против, чтобы заметки обо мне однажды сгорели. Вдруг это поможет исцелиться.

Её кабинет – идеальное место для пациентов вроде меня. В закутке в конце длинного коридора почти не бывает людей. Рядом – пожарный выход. Обычно эту дверь можно открыть только изнутри. Но Виктория предупредила, что у неё есть ключ и она открывает пожарный выход каждый раз, когда приходит на работу.

– Если тебе некомфортно идти через вестибюль, просто воспользуйся этой дверью, – сказала она будто невзначай во время второго приёма.

Если честно, это облегчает мне жизнь. Обхожу здание с обратной стороны и быстро проскальзываю внутрь. Иногда попадают сотрудники магазинов и офисов, которые выходят на улицу покурить. Но никому нет до меня дела.

– И кстати, – Виктория сделала вид, что отвлеклась на смартфон, – этот вход не просматривается с видеокамер. Так что не переживай, что тебя кто-то заметит.

Тик-так. Тик-так. Я уже минуту как закончил говорить. Возникла странная пауза. Виктория о чём-то задумалась. Потом вздрагивает, смотрит на меня и неожиданно спрашивает:

– Как часто ты принимаешь транквилизаторы?

Важная информация: у меня нет лекарственной зависимости.

Люди привыкают терпеть боль. Кто-то терпит, когда беспокоит зуб, а я могу переносить приступы тревоги.

Но почему она задала этот вопрос? Внутри появляется лёгкое волнение. Не очень приятно, когда тебя подозревают.

Злоупотребление препаратами – частое явление среди пациентов. Легче выпить таблетку, чем работать с психотерапевтом, шаг за шагом прорабатывая страхи.

Иногда – раз в неделю, иногда – чаще, говорю я.

Она кивает и просит меня завести блокнот.

Записывай в него, когда пьёшь таблетки, говорит она.

Даже от бессонницы?

Ага, говорит она, ты же знаешь, что большинство снотворных – те же транквилизаторы.

Это я знаю. Если не контролировать приём, – можно заработать зависимость.

Она говорит, что власти озаботились злоупотреблениями психотропными препаратами. Пациенты стали обманывать врачей. Поэтому сейчас идут проверки – чтобы выявить таких людей. Некоторые умники ходят одновременно к разным психиатрам и получают несколько рецептов. Так они могут превышать дозировку.

На самом деле такие пациенты – не наркоманы, объясняет Виктория. Простые жители мегаполиса, которые не справляются с бешеным ритмом современной жизни.

Чтобы расслабиться после тяжёлого дня или побороть бессонницу, они принимают транквилизаторы чуть чаще, чем нужно. И через пару месяцев не могут от них отказаться. Это как сладкое для детей. Они канючат и просят выписать рецепт.

Уитни Хьюстон умерла, когда случайно смешала ксанакс с алкоголем. От такого седативного коктейля певица вырубилась в ванной и захлебнулась.

– Они не виноваты, что так случилось, – говорит Виктория и подходит к окну. – Просто не смогли вовремя остановиться... – Она распахивает створку, и в кабинет врывается поток воздуха. Даже отравленный свинцом он кажется свежим. – В конце концов, некоторые люди колят инсулин всю жизнь.

Большинство этих несчастных – вполне приличные люди, говорит она, возвращаясь в своё кресло.

Успешные менеджеры с хорошей зарплатой.

Бизнесмены, вынужденные работать по двадцать часов в сутки.

Такой темп выдержать тяжело. И иногда они могут не рассчитать дозировку.

Майкл Джексон не мог спать по ночам из-за постоянного напряжения, поэтому просил своего врача колоть ему пропофол. Обычно эту убойную инъекцию делают в качестве наркоза, чтобы пациенты на хирургическом столе не чувствовали, как скальпель разрезает тело. Но врач переборщил – и великий певец не проснулся.

Сколько таблеток ты принимаешь за раз? – спрашивает она.

Я задумался, поэтому вопрос застаёт меня врасплох.

Снова говорю, что выполняю все её рекомендации.

Ты же не посещаешь других врачей? Она внимательно следит за тем, как я мотаю головой.

Где ты обычно покупаешь лекарства?

Объясняю, что всегда беру в одном и том же месте – муниципальной аптеке на углу дома напротив. Она успокаивается и смотрит на меня с улыбкой.

Мне не нравятся эти вопросы. Хрупкое равновесие в её кабинете нарушено.

И я говорю то, о чём почти сразу жалею.

Просто хочу сменить тему.

Наверное, я слишком мнительный. В её вопросах нет ничего особенного. Обычный сеанс психотерапии. Она ведь пытается мне помочь.

– Сегодня... – начинаю я и понимаю, что дальше придётся сказать правду. К тому, чтобы обмануть психотерапевта, который много раз раскладывал тебя, как пазл, на кусочки и собирал заново, нужно готовиться заранее. А эти слова вырвались спонтанно.

– Сегодня та самая ночь, – выдавливаю я из себя признание.

Виктория откидывается в кресле, скрещивает ноги и погружается в раздумья. Пытается вместить услышанное. Слишком резкий переход. Слишком сильно она поверила в моё исцеление.

Но её замешательство длится лишь короткое мгновение. Через секунду она собрана. В руках снова планшет, и она настроена меня слушать.

– Ты, как всегда, в этом уверен? – спрашивает она и смотрит через стёкла очков. Несколько месяцев назад она полностью сменила имидж. Подстриглась, покрасила волосы и стала носить косметические очки, чуть сдвигая их к кончику носа. Со зрением у неё полный порядок, но очки ей и правда идут. – У тебя давно уже не было... – она запинаясь, подбирая правильные слова, – таких ночей. Когда последний раз? Кажется, в прошлом декабре?

Ага, киваю я.

На самом деле в этом году тоже была такая ночь.

Но тогда я ничего не сказал.

Между нами стеклянный столик. Несколько книг в глянцевой обложке сложены в стопку. Рядом ваза с фруктами. Настоящими, не пластмассовыми. Яблоки, виноград и три жёлтых банана. Всё это создаёт атмосферу уюта. И ещё две бутылочки с водой. Можно брать и пить.

– Тогда прими двойную дозу успокоительного перед сном. Сегодня это будет оправданным. – Она что-то строчит в своём планшете. – И постарайся не заикливаться на ожиданиях.

Всё это я слышал много раз. От разных врачей. И ни разу их советы не помогли. Но я соглашаюсь со всем, что она говорит.

– Всё-таки давай попробуем поработать с этим, – мягко произносит она. – В этот раз всё получится.

Если бы вам пришлось подобрать ассоциацию к слову *поработать*, то что бы вы сказали?

Встать у станка и обточить железную заготовку?

Перетаскать тысячу кирпичей на стройке?

Сесть за руль грузовика и отвезти с десяток тонн мяса за сотни километров?

Мы же будем копать в подсознании и проговаривать психологические установки.

Расслабься и следи за дыханием, говорит Виктория.

Тик-так. Тик-так.

Глава девятая

Ходили слухи, что есть врач, который может сделать лоботомию. Поговаривали, его вышвырнули из больницы за тайные делишки: незаконные операции или что-то в этом роде.

Теперь он зарабатывает подпольными процедурами. Может изменить ваше лицо, если вас ищет полиция. Пересадить почку от донора, готового расстаться с *ненужным* органом за хорошую сумму.

Или просверлить дырку во лбу.

Некоторые так отчаялись, борясь с психическими расстройствами, что готовы оттяпать себе часть мозга – лишь бы почувствовать облегчение.

– Просто предположим, что это правда. – Серёга развалился на кровати в моей комнате. – Ты бы согласился?

Такое поведение называется *избеганием*.

Виктория говорит, что это *синдром улитки*. При малейшей опасности влажное бархатистое тело моментально прячется в раковину. Там улитка может провести много времени, не обращая внимания на то, что происходит снаружи. Её не беспокоит дождь или ветер. В её хрупкой крепости всего этого нет.

Прошло два дня после нашего похода в парк. Я кое-как отстирал запачканные джинсы. Достал и проверил пистолет – с ним мир кажется безопаснее.

У меня новый заказ.

Кто-то решил торговать сантехникой через интернет.

В наше время можно заказать унитаз или раковину прямо на сайте.

Заказчик связался со мной через электронную почту. Его предупредили, что звонить мне бесполезно.

Мне как раз нужны деньги на новую обувь. Серёга не давал о себе знать, что очень облегчило работу.

Сегодня он пришёл как обычно. Бросил рюкзак на пол, плюхнулся на кровать и завёл разговор про лоботомию. Ни слова о том, что случилось в парке. Улитка спряталась в ракушку.

Любой человек с фобией учится избегать событий, которые могут спровоцировать приступ страха.

Когда Серёга идёт по городу, то выбирает улицы, где нет небоскрёбов. Близость высоких зданий давит на него, и он против воли представляет себя на крыше. А ещё он боится мертвецов, гробов и всего, что с этим связано. Когда во дворе его дома кого-то хоронят, он, как маленький ребёнок, закрывает дверь в комнату, ложится на кровать и накрывает голову подушкой. Поэтому я не поднимаю эту тему. Пусть играет в улитку.

– Ты вообще меня слушаешь? – обиженно спрашивает Серёга.

Приходится погрузиться в тонкости лоботомии.

В медицинском университете будущие врачи узнают про доктора Мониша из Португалии. В 1935 году он предположил, что в лобной доле мозга находится центр, отвечающий за шизофрению, бред и прочие отклонения. По его мнению, достаточно немного подрезать в этом месте – и больной избавится от недуга. Прделав несколько тысяч операций, врачи выяснили, что процедура не помогает. У тех, кому всё-таки провели лоботомию, начались эпилептические припадки и недержание мочи.

Серёга объясняет мне, что наука не стоит на месте. Врачи уже давно усовершенствовали методику, и теперь результат есть. Он подробно рассказывает о заговоре врачей и фармацевтов, которым выгоднее снова и снова продавать людям таблетки, чем раз и навсегда их вылечить.

– Ты представляешь, какие это деньги? – Серёга рисует пальцем в воздухе подобие цифр. Не могу разобрать, каких именно, но, видимо, суммы большие. – Понимаешь, – говорит он, – я сам не верил во всё это, пока вчера не встретил на улице Стаса Лившица.

– Кого встретил? – спрашиваю я.

Они лежали в одной палате пару лет назад. Точнее, вначале Серёга был один, а потом к нему подсадили парня по имени Стас Лившиц.

Стасу было совсем плохо. В больницу он попал из-за приступов бреда и галлюцинаций. Его так напичкали лекарствами, что он мало чем отличался от холодца.

И вот Серёга встречает его на улице. Правда, пришлось ему напомнить про больницу, потому что Стас Серёгу не узнал.

Это понятно, учитывая, в каком состоянии он тогда был, объясняет Серёга.

Самое удивительное, что выглядел Стас абсолютно нормальным. Чистая выглаженная одежда. Приятный запах туалетной воды. Работает менеджером в какой-то фирме. Серёга, естественно, спросил, как ему это удалось. Тот показал на лоб, а там у него шрам.

Все эти разговоры полностью в духе Серёги. В нём постоянно бурлят идеи. Он, как салфетка воду, впитывает недостоверные факты, псевдонаучные данные и выдуманные открытия.

Я сижу на грязном ковре. В нос бьёт запах пыли и Серёгиных носков. Вспоминаю, что ковёр нужно было пропылесосить ещё утром.

– Вообще-то лоботомия вне закона, – возражаю я.

– Ну и что? – пожимает плечами Серёга. – Если это поможет, то какая разница?

Согласился бы я просверлить себе дырку в голове? Чтобы избавиться от приступов паники, навязчивых страхов и изнуряющей депрессии?

Надо подумать, говорю я. *Но давай честно, ты же ни за что на свете на это не решишься.*

– Хочешь сказать, что я трус? – Серёга закипает, как электрический чайник. Он подскакивает и хватает с пола свой рюкзак. Я пугаюсь. Вдруг он достанет оттуда отвёртку, которую всегда носит с собой?

– Нет, конечно, – говорю я, внимательно наблюдая за его руками.

– Потому что я – не трус. – Он засовывает руку по локоть в рюкзак. – Вот увидишь, если я найду этого доктора, то сделаю лоботомию. – Его рука так глубоко, что кажется, рюкзак вот-вот затащит его внутрь. От напряжения у него на лбу образуются морщины. В том месте, где, возможно, будет шрам. – А, вот они где! – Он высыпает на кровать горсть блестящих, похожих на маленькие солнечные круги, золотых монет.

Я чувствую, как от удивления у меня на голове шевелятся волосы. Я никогда не видел настоящих золотых монет.

Серёга, заметив мою реакцию, валится на постель и хохочет. Я беру одну монету – она очень лёгкая. Это шоколадные конфеты, завернутые в золотистую фольгу.

– Дали вместо сдачи в магазине, – говорит он.

Теперь вокруг нас валяется ворох жёлтых обёрток. Губы измазаны шоколадом, который мы запиваем газировкой.

– Спроси у психотерапевта, – осторожно просит Серёга. – Может, она знает, как найти этого врача.

– А почему ты не узнал у самого Стаса? – спрашиваю я.

– Потому что это секретно. – У Серёги над губой шевелятся тонкие коричневые усы. – Он говорит, что телефон доктора дают только самым надёжным людям. Ему же грозит срок, если его застукают. За такими, как он, наверняка охотится большая фарма. Ну так что?

– Ладно, – говорю я, только чтобы он отвязался. – Вряд ли она про это знает. Она ведь вся такая... – Задумываюсь на мгновение. – Правильная, что ли. Совсем не удивлюсь, если она никогда не переходила дорогу в неполюженном месте.

– А может, ты просто в неё влюбился? – Серёга опять улыбается и обнажает чёрные от шоколада и неровные от природы зубы.

Я смеюсь вместе с ним, хотя в его словах есть доля правды.

Наверное, я мог бы влюбиться, если бы Виктория не была старше меня. К тому же она мой психотерапевт. Медицинская этика – штука серьёзная. Кроме того, есть девушка, которая мне нравится.

– Она хороший врач, – говорю я, перестав смеяться и вытягивая затёкшие ноги. Это действительно так. Пару раз я проверял в интернете её рекомендации. Оказалось, она опирается на самые последние достижения в психиатрии.

– Значит, тебе помогает?

Бросаю взгляд на часы – и веселье сразу улетучивается.

– Сегодня, – говорю я и отставляю банку с газировкой к стене. Углекислый газ подкатывает от желудка к горлу, и я глотком загоняю его обратно. – Проверим, как оно.

– Ты о чём? – удивляется Серёга.

– Та самая ночь. – Я хватаю Серёгу за ноги и резко стаскиваю с кровати. Он шмякается на пол, как мешок с картошкой, и садится на ковёр.

– Давно не было, – не специально повторяет он слова врача.

Я пожимаю плечами и закрываю глаза, чтобы разглядеть темноту.

– Сегодня делали расстановку, – говорю я. – Кто знает, может, сработает.

Мы – как неизлечимые больные. Как пациенты онкологической клиники. Глотаем витаминку и убеждаем себя, что это поможет.

На нас уже опробовали все существующие психотерапевтические методики. Пока без особого результата. Но хотя бы моё состояние стабилизировалось.

До встречи с Викторией я всё глубже проваливался в болото. Комплексы и фобии с годами нанизывались на меня, как колечки на детскую пирамидку. И темнота внутри разрасталась.

В комнату заглядывает сестра и называет нас бездельниками. Серёга громко смеётся. Она говорит, что мама приготовила ужин и чтобы мы прекращали маяться дурью и шли на кухню.

– Сейчас, детка. – Серёга откидывает чёлку и подмигивает ей одним глазом. – Никуда не уходи.

– Твой друг – придурок, – говорит мне сестра и закрывает дверь.

Так себе откровение, если честно.

Серёга снова забирается на кровать и свешивает голову.

– Слушай, – говорит он, – ты никогда не думал, что просто программируешь себя на сон? Знаешь про самоисполняющиеся пророчества?

Всё это я слышал много раз. Что я сам себе это внушаю. Игры моего подсознания. Только мне от этого не легче.

– Это не совсем сон, – говорю я. – Больше похоже на фильм, записанный в подсознании. Каждый раз всё совпадает до мельчайших деталей.

– Всегда хотел спросить, – Серёга чешет у себя под мышкой, – а как ты это предчувствуешь? Озарение какое-то? Вспышка в разуме?

Это как приступ аллергии.

Внезапный зуд, который становится всё сильнее.

Только зудит где-то в мозгу. Каждый раз думаешь, что продолжения не будет. Побеспокоит – и отпустит.

Но потом понимаешь, что не отвертишься.

Это как купить билет в кино и точно знать, что пойдёшь на сеанс. Никуда от этого не деться.

– Уже поздно, – говорит Серёга после ужина, вытирая соус на дне тарелки куском хлеба. Мама приготовила тушёную фасоль с мясом. – Пора домой, а то мои начнут названивать. – Он смотрит на меня не так, как обычно. Нет дурашливости и вечного кривляния. – После той вылазки в парк, когда у меня сел телефон, мне устроили выволочку.

– Угу, – говорю я и провожаю его до двери. Жду, пока он обуется. Я вызвал ему такси, а он отправил маме сообщение, что скоро будет.

– Ольга! – кричит он куда-то в коридор. – Не хочешь проводить меня?

– Отвали, – равнодушно отвечает сестра.

– А она симпатичная, – говорит Серёга и закрывает дверь.

Глава десятая

Не знаю, кто нажимает кнопку воспроизведения у меня в голове. Просто посреди ночи вспыхивает экран.

На нём – маленький мальчик, крепко пристёгнутый ремнём на заднем сиденье автомобиля. Они с отцом возвращаются с рыбалки и стараются как можно быстрее выехать на шоссе.

Они уехали раньше, чем планировали, потому что их прогнала огромная туча, неожиданно появившаяся на горизонте. Если не успеть до дождя, то можно засесть посреди поля в раскисшей земле. И тогда придётся идти в деревню искать помощи.

– Не расстраивайся, – говорит отец, переключая передачу. – В следующий раз всё будет по-другому.

– Ага, – говорит мальчик, перелистывая страницу. У него в руках новый комикс, который подарила сестра.

Машина поймала выбоину, двигатель взревел, и они наконец вырвались на асфальт, разбрасывая колёсами мелкие камни. В следующее мгновение посыпались капли дождя. Они разбивались о лобовое стекло, и вода неровными струйками стекала вниз. Отец включил дворники, и те со скрипом зашевелились, размазывая засохшую грязь.

Мальчик тихо шелестит страницами и внимательно рассматривает нарисованных героев, которые спасают мир от космической нечисти. Он беззвучно шевелит губами и водит пальцем по бумаге.

– Давай не будем говорить маме, что сом выскользнул из рук, – неожиданно предлагает отец.

Мальчик на мгновение задумывается и твёрдо говорит:

– Нет. Лучше расскажем. Я же всё равно его поймал.

Маленький сорванец был счастлив, что смог вытащить большую рыбу. А ещё гордился тем, что отпустил сома вместо того, чтобы отправить на сковородку.

– Ну ладно, – отвечает отец и улыбается.

В багажнике, в сумке с мокрой травой, лежат несколько карасей и приличного размера лещ. Через пару часов, без чешуи и с надрезами вдоль тела, они будут запекаться в духовке, смазанные толстым слоем сметаны и присыпанные луком.

Взгляд мальчика замирает. Только сейчас он заметил, что голова отца покрыта пепельной сединой. Это открытие удивило его. Да, мама говорила, что, когда он родился, отцу было за тридцать. Но до этого момента он не считал отца старым. В его представлении седыми могут быть только глубокие старики.

– Папа, – говорит он. – А почему у тебя столько седых волос?

Отец громко смеётся и запускает левую руку в волосы.

– Это всё от волнений. Будешь много волноваться – тоже рано поседеешь. – Отец вертит ручку на приборной доске и включает радио.

И мальчик решает никогда ни о чём не волноваться. Ему совсем не хочется быть седым. Он осторожно трогает свою голову. Его волосы упругие и жёсткие – напоминание о том, что нужно сходить к парикмахеру.

Первый порыв дождя иссяк, и мелкие капли сыпали лёгкой безвредной дробью. Дворники успевали хорошо очищать стекло.

– Знаешь, – отец наклоняется вперёд, чтобы лучше видеть дорогу, – а у кого-то скоро день рождения.

Следующую страницу мальчик переворачивает так осторожно, будто он сапёр, обезвреживающий мину.

– Ага, – еле слышно отвечает он.

Он делает вид, что внимательно рассматривает картинку. На самом деле он почти перестал дышать, ожидая, что скажет отец. Пальцами теревит край клетчатой рубашки. Тогда все дети требовали от родителей купить именно такую. Отец беззвучно улыбается и держит паузу. Ему хочется растянуть этот момент до бесконечности.

И у него получается это сделать.

– Мы тут подумали с мамой... – Отец опять замолкает, внимательно смотрит на спидометр, в очередной раз переключает передачу и, будто нехотя, продолжает: – Что ты думаешь, если мы отметим его в «Плазе»?

Глупый мальчишка вне себя от радости.

Тогда, десять лет назад, когда «Плаза» только открылась, все дети мечтали отметить день рождения именно там. Большой игровой зал и фуд-корт с пиццей и бургерами на последнем этаже. Сейчас «Плаза» превратилась в проходной торговый центр с второсортными магазинами, поломанными аттракционами и обшарпанными столиками в кафе. Но несколько лет назад это был прямо Таж-Махал. Место паломничества пассажиров всех ближайших станций метро. В выходные дни – настоящий муравейник.

Я смотрю этот фильм-сон уже не в первый раз и всегда злюсь на этого маленького глупца.

Он не верит своему счастью. Вижу, как он ёрзает на заднем сиденье, – и наконец не выдерживает. Я отчётливо слышу, как щёлкает застёжка ремня. Мальчик обвивает руками шею отца. Детская щека прижимается к грубому небритому лицу.

– Папа, я люблю тебя, – говорит несносный мальчишка и целует двухдневную щетину.

Отец улыбается и смотрит в зеркало заднего вида. Он давно не видел сына таким счастливым. Отец открывает рот и хочет что-то сказать в ответ, но не успевает. Он вдруг замечает, как у глупого мальчика от ужаса расширяются глаза. Мужчина быстро переводит взгляд на дорогу – и в этот момент фильм выключают.

Странная штука – наш мозг. Если уж он хочет испоганить мне жизнь, то пусть прокручивает плёнку до конца. Но каждый раз фильм обрывается в одном и том же самом месте.

Хотя это не важно. Я и так знаю, что будет дальше.

Многотонный грузовик сталкивается со старой «Ладой» и выбрасывает её на обочину. Легковая машина переворачивается несколько раз и врезается в угол заброшенного склада.

Потом врачи скажут, что произошло чудо. Пристёгнутый ремнём отец погиб, а мальчик остался жив.

Я остался жив.

Глава одиннадцатая

Проснуться в мокрой постели – то ещё удовольствие. В первую секунду кажется, что я, как Боря тогда в лагере, обмочился. Но потом понимаю, что просто вспотел. Но даже влажная простыня не может заставить меня вылезти наружу, во внешний мир.

Меня разбудил яркий свет. Наступившее утро вязкое, как кисель. Будто лежишь в ванной, наполненной мёдом.

В голове вместо ясных мыслей плохо сваренная каша, с комочками и сгустками – как от двойной дозы успокоительного. Я не послушал Викторину и не стал пить снотворное. Всё равно не поможет.

Смотрю по сторонам. Нужно ухватиться взглядом за что-то, чтобы мозг заработал.

На столе – стакан воды и три таблетки, заботливо приготовленные мамой. Сгребая их и по одной забрасываю в рот. Этот ежедневный коктейль поддерживает меня в приемлемом состоянии.

Делаю над собой усилие и поднимаюсь с кровати. Чувствуется адский холод. Всё тело подрагивает, как в лихорадке. Зубы стучат. Это не потому, что на улице морозно. И не из-за того, что я вспотел. Так всегда бывает после этой ночи.

Скидываю с себя бельё и достаю новое. Сухая футболка немного согревает.

Оля старше меня на два года, но до сих пор ест шоколадные шарики на завтрак. Не понимаю, как можно любить такое, когда тебе почти двадцать. А она насыпает полную тарелку и заливает молоком.

Иногда сестра просит маму сделать омлет, и тогда квартира наполняется запахом нагретого масла. Сейчас из кухни доносится именно такой запах.

В ванной комнате я задерживаюсь дольше, чем обычно. Руки слегка дрожат. Я старательно чищу зубы и умываюсь холодной водой. Это помогает взбодриться, скинуть остаток дремоты.

Мама наверняка уже догадалась о моём состоянии. У неё чутьё на такие вещи. Всегда узнаёт, если мне становится хуже. Поэтому я не тороплюсь. Не выношу этот сочувственный, бесполезный взгляд.

Чтобы вы понимали – для справки: я не какой-то слюнтяй. Я легко могу сделать с десяток отжиманий или присесть полсотни раз. Мои ноги накачанные, как у беговой лошади.

Представьте себе человека, который всегда ходит пешком. Годами игнорирует общественный транспорт. Встаёт перед рассветом и отправляется в путешествие по городу.

Другие ходят в горы, ставят палатки, продираются через тайгу. А я знаю все заброшенные здания в радиусе десяти километров от дома. Правда, с каждым годом их становится всё меньше. Развалины выкупают и строят новые кварталы, торговые центры и склады.

Телефон возле раковины глухо вибрирует. Я беру его, чтобы прочитать сообщение.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ. ВЫ УСПЕЕТЕ ДОДЕЛАТЬ САЙТ ДО ВТОРНИКА?

Возможно. Честно говоря – не знаю. Нужно прийти в себя. Я засовываю телефон в карман шортов и отправляюсь завтракать. У меня нет желания отвечать.

– Уже проснулся? – Острый нож в маминых руках режет хлеб на тонкие кусочки. – Не забыл выпить лекарства? – Она на секунду отрывается от разделочной доски и смотрит на меня. Я складываю большой и указательный пальцы вместе, чтобы получился знак *okeй*. Мама удовлетворённо кивает, берёт другой нож и принимается за сыр.

Точить ножи – одна из немногих моих обязанностей в доме. Я отношусь к ней добросовестно, поэтому ножи всегда острые.

– Хай! – Сестра машет вилкой, с которой падает кусок омлета.

– Ты что будешь на завтрак? – Теперь мама режет ветчину. – Могу сделать *болтушку*.

– Правильно – *скрэмбл*, – фыркает сестра. – Так весь мир говорит.

– Пойдёт, – отвечаю я. – Только посыпь пармезаном.

Мама ставит на стол тарелку, на которой аккуратно разложены хлеб, сыр и ветчина.

– Опять допоздна сидел в компьютере? – Сестра делает себе бутерброд. – Нужно было твоего дружка пораньше домой отправить.

– Оля, – мама уже взбила вилкой яйца и теперь добавляет туда молоко, – не приставай к брату.

На сковородке жёлтым пятном расплывается кусок сливочного масла.

– Ты посмотри на эти мешки под глазами. – Сестра тычет вилкой, почти касаясь моего лица, будто хочет выколоть глаз. – И сам весь опухший.

– Отстань от него. – Мама делает круговое движение сковородкой, чтобы масло равномерно растеклось по дну. – Поставь лучше чайник. – Она выливает содержимое миски на сковородку.

– Ладно, – бурчит сестра и нехотя встаёт из-за стола. – Но этого придурка я бы к нам больше не пускала.

Сегодня до меня всё доходит с опозданием. Смотрю на спину сестры: на её мятую футболку и джинсы с фабричными разрезами.

– Он тебе нравится? – спрашиваю я самым обычным тоном.

– Ещё чего! – Сестра чуть не обжигается кипятком, хотя я даже не назвал имени.

Мама мешает деревянной ложкой яичную массу и не обращает на нас внимания.

– У тебя, кстати, уши покраснели, – говорю я.

Сестра ставит кружку на стол с таким грохотом, что горячие брызги попадают мне на лицо.

– Заткнись уже, – говорит она. – Твой Серёга – придурок. А уши покраснели, потому что на кухне душно. – Она разворачивается и идёт в свою комнату.

Передо мной тарелка с только что приготовленной яичницей. Мысли немного приходят в порядок.

Серёга – тот ещё оболтус. Непонятно, как он вообще поступил в университет и как собирается там учиться. Возможно, дар профессионального вымогателя поможет ему сдать экзамены. Будет ходить за преподавателями и канючить, пока те не распишутся в зачётке.

А ещё он очень неряшлив. Его одежда всегда выглядит, как горный рельеф. Приходится постоянно напоминать ему, что уют уже изобрели. Даже когда мама наглядит ему все рубашки, он умудряется прийти в мятой. Короче, если сестра действительно запала на Серёгу, это будет весело.

После завтрака возвращаюсь в свою комнату и беру журнал, который вчера вытащил из почтового ящика. Удивительно, что кто-то их ещё выпускает. Конкретно этот выходит раз в два месяца, и в нём печатают рассказы начинающих авторов.

Однажды Серёга тоже написал рассказ и отправил в редакцию. С тех пор прошёл год, но он верит, что письмо просто затерялось. Всё ждёт, что рассказ опубликуют, потом выпустят фильм – и это решит его проблему с поиском девушки.

Сестра тихонько скребётся в дверь, встаёт в проходе, облокотившись на косяк, и смотрит исподлобья.

– Ты как сегодня? – она складывает руки на груди. Не удивлюсь, если её подослала мама.

На полу лежит скомканная обёрточная бумага. В неё был завернут журнал. Я показываю рукой на этот коричневый комочек и говорю:

– Примерно вот так.

– Вообще-то я переживаю за тебя. – Она заходит в комнату и поднимает мусор.

Ага. Так я и поверил. Конечно, она меня любит и волнуется за меня. Но здесь она для того, чтобы выяснить, насколько серьёзны мои подозрения.

- Слушай, – говорю я, – если тебе нравится Серёга...
- Так, стоп. – Она поднимает руку, останавливая меня. – Ещё раз затронешь эту тему, точно обижусь. Я зашла спросить: может, тебе что-то нужно?
- Вообще-то, – отвечаю я, – мне нужны новые кроссовки.
- Не мог раньше сказать? – Она снова складывает руки на груди. – Схожу вечером и скину тебе фото.

Глава двенадцатая

Время, как ксерокс, штампует одинаковые дни. Похожие друг на друга, как однояйцевые близнецы. Я точно знаю, как будет выглядеть *завтра*, – так же, как и *сегодня*. Замкнутый круг, где нет разницы между вчера и любым последующим днём.

После сильного приступа тревоги всегда накрывает дереализация. Эмоции притупляются, как чувствительность в руке, когда её отлежишь. Радость, злость, удивление – всё блекнет и уходит на задний план. Лень бьёт в два раза сильнее, чем обычно. Даже чтение становится непосильным занятием.

Как ни странно, в таком состоянии хочется выйти на улицу. Даже если это час пик и везде много народу.

В такие редкие моменты, если не брать в расчёт хандру, я чувствую себя почти нормальным. Тревога, как и прочие чувства, гложет. Глубоко внутри вспыхивают маленькие искры надежды, что страх ушёл навсегда. Появляются безумные мысли: например, спуститься в метро и проехать пару остановок.

Пока я не откатился в обыденное состояние, решаю пройти мимо кафе, чтобы снова увидеть ту девушку.

Всё-таки стекло – какая-никакая преграда. Можно заставить себя улыбнуться, помахать или просто кивнуть. Послать ей сигнал из своего ограниченного мира. Вам будет смешно, но это первая девушка, в которую я влюбился.

Был, правда, ещё случай.

В двенадцать лет сложно понять, что такое влюблённость.

Её звали Света. Волосы были заплетены в две тугие косы с бантами. Она занималась танцами, носила босоножки и училась в параллельном классе. Тогда я ещё ходил в школу.

Одноклассники дразнили меня *шизиком*. Но я не обращал внимания. В школе всегда кого-то дразнят. Из-за плохого зрения, из-за веса или просто потому, что не повезло.

Сначала я смотрел на Свету, когда она стояла или проходила рядом. Потом я обнаружил внутри новое, незнакомое чувство. Мне захотелось видеть её чаще.

Утром, перед уроками я подгадывал время, чтобы встретить её во дворе, и шёл чуть позади. Так мы доходили до школы. Обычно она ничего не говорила – будто вообще не замечала, что я плетусь за ней. Но иногда оборачивалась и улыбалась.

Весной во дворе густо цвела сирень. Запах разливался по улице вместе с долгожданным теплом. Откуда-то появлялись шмели, пчёлы и бабочки – водили хороводы в воздухе.

Я бродил по городу и размышлял о том, как бы мне познакомиться поближе с девочкой, в которую я вроде бы влюбился. Проходя мимо зарослей сирени, я услышал голоса: по ту сторону куста Света разговаривала с подругой. Я понял, что это она, ещё до того, как можно было разобрать слова, и подошёл поближе.

– Ты разве не знаешь, что он припадочный? – спросил голос подруги. Не нужно было долго думать, чтобы догадаться, о ком это. Я ждал, что ответит Света.

– Мне кажется, он хороший, – робко сказала она.

Мимо, жужжа, пролетел шмель. Он такой толстый, что напоминает транспортный самолёт в миниатюре.

– Шутишь? – хмыкнула подруга. – Его водят в психушку на лечение и дают таблетки, от которых он становится как овощ.

– Правда? – Мне показалось, что Света расстроилась.

– Да, – безжалостно ответила подруга. – Мама говорит, чтобы мы держались подальше от этого психа. Неизвестно, что у него на уме.

Кусты цветущей сирени – хорошее укрытие.

Не знаю, как любовь, но боль была настоящая.

Я шёл домой, задыхаясь от стыда и обиды. С того дня я заметил, что Света старательно избегает меня. При каждой встрече она опускала глаза и отворачивалась. А потом их семья переехала.

Не могу сказать, что та ситуация убила мою веру в отношения. Она лишь добавила ещё один оттенок в общую палитру фобий и комплексов.

Стена из страха не позволяет думать о будущем, потому что в любой момент моё состояние может ухудшиться. Серёга ведёт себя точно так же. Все планы принимаются им с поправкой на это.

Из-за боязни высоты и замкнутых пространств он даже и не думает, чтобы полететь на самолёте.

Летом, обычно в конце июля, он отправляется с мамой на поезде в Сочи. Границы его сумасшедшей вселенной немного шире моей. Он почти сутки трясётся в купе – и всё-таки оказывается на берегу Чёрного моря. Заселяется в гостиницу, завтракает в ресторане и отправляется на пляж купаться. К вечеру первого дня к ним прилетает отец, который из-за работы не может тратить столько времени на дорогу.

Родители Серёги много раз хотели съездить в Турцию, но мысль о полёте заставляет его трястись.

Давай слетаем в Египет, говорили родители, мы хотим показать тебе пирамиды.

В Риме, не оставляла попыток мама, ты погуляешь по древним улицам и увидишь Колизей.

Все планы разбивались о Серёгины страхи.

Если понадобится, он будет неделю терпеть стук колёс и доедет до Владивостока. Но стоит ему представить узкий проход меж самолётных кресел, как его тут же накрывает паника. Сотни тысяч туристов каждый год отправляются в путешествия на круизных лайнерах.

Они посещают Багамы, Грецию, Кипр или Таиланд.

Они нежатся в шезлонгах возле бирюзовых бассейнов, наполненных подогретой забортовой водой.

Вечером мужчины надевают смокинги, а женщины – коктейльные платья и вместе отправляются в ресторан, или в казино, или в концертный зал, построенные прямо на борту. Корабли заходят в порт, опускают трапы – и туристы заполняют собой улицы.

Самый большой круизный лайнер вмещает почти семь тысяч пассажиров. Вместе с экипажем получается население небольшого города. Большая часть этих людей – аэрофобы, до ужаса боящиеся самолётов. Компании, которые организуют круизы, зарабатывают миллиарды долларов на страхе. Целая индустрия живёт и процветает за счёт фобии.

Мой мир меньше Серёгиного. В какой-то момент он перестал сжиматься, но оставшегося пространства крайне мало, чтобы мечтать о будущем. Хочется раздвинуть границы, но пока не получается.

Всё-таки вместе с влюблённостью у меня появилась надежда. Вдруг мне удастся построить отношения. С девушкой, за которой я наблюдаю через полтора квадратных метра стекла.

В подъезде я сталкиваюсь с Нюрой, которая живёт двумя этажами ниже. Все её так называют, хотя ей за шестьдесят.

Соседи говорят, что она баптистка. Я посмотрел в интернете, кто такие баптисты. Правда, мало что понял, кроме того, что они по-особенному верят в Бога.

Нюра – настоящий *божий одуванчик*. Её голову всегда покрывает жёлтая косынка, и по воскресеньям она ходит в свою церковь. При встрече старается сунуть конфету, будто мне десять лет.

Помню, как однажды она долго разговаривала с мамой во дворе и в конце сказала, что будет молиться за меня. А потом принесла в подарок Библию. Не уверен, что её молитвы особо

мне помогают. Но Библию решил почитать. Книга оказалась не такой уж занудной, как я себе представлял. Кое-что даже запомнил.

Нюра здороваётся, и я киваю в ответ. Спускаюсь ниже и слышу, что она тихонько что-то бормочет.

Избавь нас от лукавого, различаю я её молитву.

Толкаю дверь – и внешний мир обнимает лёгкой прохладой и сыростью после ночного дождя. За последние пару дней город, кажется, приготовился к очередному вселенскому потопу.

Во дворе никого нет. Для старушек-сплетниц слишком холодно, детвора в школе, а остальные работают, чтобы прокормить семью. У меня свободный график и нет жены и детей.

Дождь изрядно побил деревья, и повсюду видны жёлтые, красные и ещё зелёные листья. Характерный симптом сентября. Скоро деревья и кусты будут стоять обнажёнными, не стыдясь своей наготы, – пока их не прикроет снег.

Кафе уже пару часов как открыто. Если девушка сегодня работает, я её увижу. В голове резиновым мячиком скачет идея привлечь её внимание.

Что, если положить на карниз записку? Она наверняка захочет развернуть листок и узнать, что там внутри.

Или написать фломастером послание прямо на стекле?

Можно камнями выложить на тротуаре свой номер.

Варианты, один безумнее другого, рождаются в голове, пока я иду.

Едва я приближаюсь к знакомому месту, задняя дверь кафе открывается – и на улицу выходит она. Девушка из моих грёз.

В животе образуется лёгкость. Желудок, кишечник, печень и всё остальное в мгновение растворились, исчезли.

К горлу подкатывает здоровый камень, перекрывая доступ воздуху. С каждым шагом сердце сильнее ударяется о рёбра.

До этого момента я видел её только сбоку. Изредка она поворачивалась в сторону окна, и я сразу отводил взгляд. Но даже доли секунды хватало, чтобы всё внутри перевернулось.

Сейчас она стоит прямо передо мной, опершись спиной о перила. Как в трансе, я смотрю на неё. Нас разделяют какие-то метры.

Отчётливо вижу горделиво задранный кончик носа, струящуюся по лбу волнистую прядь и странный блеск в глазах.

– Эй! – Окрик бьёт по голове ударом молота. – Это ты всё время пялишься в окна?

Хочется стать ракетой и улететь в космос.

Или снегом, внезапно выпавшим в жаркой пустыне.

Давно мне не было так неуютно.

Отвожу взгляд. Оказывается, она всё знает. Видела, как я засматриваюсь на неё. Надо бежать что есть сил, но подошвы намертво прилипли к земле. Я превращаюсь в соляной столп.

– Как тебя зовут? – у неё красивый голос, но ничто не может заставить меня ответить. Свинцовый шар у меня в груди раскаляется, и адский огонь опалает внутренности. – Ты сегодня на завтрак съел свой язык?

Даже её язвительность вызывает у меня восхищение. Внутри всё дрожит. Пламя вырывается из груди и расползается по всему телу. Вот-вот грянет паническая атака.

– У тебя есть телефон?

Оказывается, всё очень просто. Достаточно сказать свой номер.

Почему именно сейчас рядом нет Серёги? Можно было бы прикинуться глухонемым, и он бы продиктовал цифры.

Что, если ей нужен не номер? Что, если она просит позвонить?

– М-да, – со вздохом тянет она. – Как же сложно найти нормального человека.

Взгляд прилипает к её ногам. Замшевые мокасины, из которых едва виднеются короткие салатные носки. И белые, будто обсыпанные мукой, лодыжки. А чуть выше начинаются плотные бриджи.

«О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая».

Это из Библии. Книга Песнь Песней, глава 7.

Натужно скрипит дверь. На крыльце появляются другие ноги – в тяжёлых берцах в стиле *милитари*. Вижу пятнистые штаны, какие любят носить охранники.

– Иди внутрь, – раздаётся грубый мужской голос. – Тебе кто разрешил выходить? – Берцы поворачиваются ко мне. – А ты чего тут трёшься, ущербный? Вали давай.

Отвратительный голос – как у человека, выкурившего все сигареты в мире. Мокасины удаляются в помещение.

Дыхание окончательно перехватывает, и я, минуя арку, быстро попадаю на главную улицу. Воспоминания о её белых, как бумага для принтера, лодыжках долго не отпускают меня.

Глава тринадцатая

Передо мной ноги. Они стоят так ровно, что по ним можно объяснять принцип параллельности прямых. Брюки с идеальными стрелками.

Светло-коричневые туфли на толстой подошве блестят, отражая коридор. Натуральная кожа. Прошито по бокам ровными стежками. Хоть сейчас ставь на витрину.

Носики повернуты к нам – значит, нас с Серёгой рассматривают.

Как только ему удалось пройти по мокрому тротуару и не испачкаться? Те ботинки, что привели нас в отдел, были заляпаны свежей грязью. А эти будто только из магазина.

Переключаю внимание на звуки в животе. Время от времени слышно, как в нём бурлит. Не знаю, что страшит больше: возможный приступ диареи или пистолет, спрятанный за поясом. Если полицейские его найдут, то появятся лишние вопросы.

– Откуда такая вонь? – спрашивает тот, что в коричневых туфлях. Наверное, он тут главный. До его прихода в коридоре были слышны разговоры и смешки. Сейчас все притихли и занялись делом. От него по кабинету разливается приятный аромат одеколona. – Опять Борисов отличился? Сколько ему говорить, чтобы не приводил бомжей?

Бомжи тут ни при чём. Вонь от нас с Серёгой. Хотя я её не чувствую. Уже привык к запаху, пропитавшему одежду.

– Это от них, – отвечает знакомый хриплый голос. Полицейский, из-за которого мы здесь оказались. – Они воняют.

– И как их допрашивать? – спрашивает начальник. – Задохнуться можно.

Я перевожу взгляд на свои штаны и замечаю остатки рвоты, прилипшие к ткани.

– Слушай, – Серёга использует момент, когда на нас не обращают внимания, и толкает меня в бок, одновременно шмыгая носом, – что, если у тебя найдут... Ну ты понял. Что тогда делать?

– Не знаю, – одними губами шепчу я. – Откуда у тебя сопли? Простыл?

– Наверное, из-за дождя. – Он опять шмыгает и вытирает нос рукавом кофты. – Ещё не хватало воспаление лёгких подхватить. – Снова с шумом вдыхает воздух.

Ему бы не помешал платок.

Хотя бы клочок туалетной бумаги. Но в туалет сейчас не отпустят. Последнее обстоятельство особенно пугает. В животе будто чайник кипит.

Нам велют подняться и ведут на допрос. За нами тянется облако вони. Полицейские в коридоре фыркают и возмущаются. Странно, что нас до сих пор не обыскали. Наверное, все решили, что мы не представляем опасности.

На столе в кабинете громоздятся папки. Из них во все стороны торчат листы бумаги. Начальник открывает окно, и в помещение врывается шум. С улицы тянет сыростью.

Серёга не перестаёт сражаться с насморком, и этот звук сильно раздражает. Полицейский усаживается в кресло, а мы садимся на стулья у стены.

Нам задают вопросы, которые мы сто раз слышали в сериалах про полицию. Как нас зовут, где мы живём и всё такое. Серёга отвечает за нас обоих, в перерывах шмыгая носом. Бойтся, что вывалится зелёная слизь. Наконец полицейский не выдерживает и спрашивает Серёгу:

– Твой приятель – он что, аутист? – Многие меня так называют. Но у меня другой диагноз. Если бы не свинцовые шары, я бы объяснил разницу. – Почему сам не отвечает?

О Господь, прости этого полицейского. Мне его жаль. Неужели он не знает историю про Моисея?

Библия, книга Исход, глава 4, стих 14.

«И возгорелся гнев Господень на Моисея, и Он сказал: разве нет у тебя Аарона брата, Левитянина? Я знаю, что он может говорить».

Моисей пас овец в пустынных местах Аравии, когда Бог проговорил к нему. Он приказал вывести Израильян из Египетского рабства. Так написано в древней книге. Но была одна проблема. Моисей был тот ещё оратор. Библия не уточняет, что именно с ним было не так. Возможно, он заикался или просто был стеснительным человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.